

Марио Пьюзо

ПЕРВЫЙ ДОН

Марио Пьюзо

Первый дон

«ЭКСМО»

2001

Пьюзо М.

Первый дон / М. Пьюзо — «Эксмо», 2001

ISBN 5-699-19211-5

Марио Пьюзо, автор знаменитого «Крестного отца», признавался, что его всегда зачаровывала эпоха Возрождения и семья Борджа. Он считал, что именно Борджа были первой криминальной семьей и в сравнении с их деяниями меркнут все истории, рассказанные им о мафии. Он искренне верил, что римские папы были первыми Донами, а папу Александра Борджа полагал величайшим Доном из всех. И Пьюзо написал книгу в лучших традициях любимого им жанра – о невероятных взлетах и падениях, тайнах церковной политики и интригах, преступлениях и возмездии за грехи, о любви и предательстве. О семье Борджа.

ISBN 5-699-19211-5

© Пьюзо М., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марио Пьюзо

Первый дон

Посвящается БЕРТУ ФИЛДСУ, который выхватил победу из челюстей поражения и который мог бы стать величайшим советником из них всех.

*С восхищением,
Марио ПЬЮЗО*

Пролог

Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чортом, но я все-таки и твой сын, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть.

«Братья Карамазовы»

Ф. Достоевский

Когда черная смерть прокатилась по Европе, забрав с собой половину населения, многие люди в отчаянии обратили свои взоры с небес на землю. Наиболее мудрые, дабы покорить окружающий мир, пытались познать секреты существования и открыть самые великие загадки жизни, тогда как бедные разумом надеялись лишь облегчить свои страдания.

Господь был низвергнут и обрел человеческие черты, жесткая религиозная доктрина Средних веков рухнула, уступив место изучению великих древних цивилизаций Рима, Греции и Египта. Никого уже не тянуло в Крестовые походы, их сменили олимпийские сражения. Человек выставил свой разум против сердца Бога, положив начало эпохе правления здравого смысла.

То было время великих открытий в философии, живописи, литературе, медицине и музыке. С помпой и почестями пышно расцветала культура. Но за это приходилось платить. Старые законы сломали, не создав взамен новых. Переход от непреложного следования слову Божьему и веры в спасение души к понятию чести человека и возможности обрести награду в мире живых, то есть гуманистическим ценностям, по правде говоря, дался непросто.

Тогда Рим был не Святым городом, а центром беззакония.

Людей грабили на улицах, бандиты врывались в дома, проституция процветала, сотни римлян умирали каждую неделю.

Более того, страны, которую мы все знаем как Италию, еще не существовало. На ее территории располагались пять небольших государств: Венеция, Милан, Флоренция, Неаполь и Рим. В сфере влияния каждого находилось множество независимых городов-государств, где правили семьи, чьи корни уходили в далекое прошлое. Сосед боролся с соседом за клочок территории. И тот, кто побеждал, всегда оставался настороже: ибо новый сосед мог оказаться куда как сильнее.

Приходилось помнить и об угрозе внешнего вторжения: иностранные империи стремились расширить свои границы. Правители Франции и Испании, «варвары»-турки, которые не были христианами, надвигались на Папскую область.

Церковь и светская власть боролись за верховенство. Слава богу, «Великий схизм»¹, когда два Папы в двух городах делили власть и доход церкви, остался в прошлом. Формиро-

¹ «Великий схизм» – разделение католической церкви (1378–1417).

вание нового единого центра, в Риме, вселило новые надежды в сердца служителей Господа. Вновь почувствовав силу, духовные лидеры церкви, конечно же, пошли войной на королей, королев и герцогов маленьких городов и феодалов.

Однако римская католическая церковь не являлась опорой правопорядка, ибо не только миряне нарушали закон. Кардиналы посылали своих слуг, вооруженных камнями и арбалетами, драться с римской молодежью. Люди, занимающие в церковной иерархии самые высокие посты, то есть принявшие обеты целомудрия и безбрачия, посещали куртизанок и содержали любовниц. Взятки не только предлагались, но и принимались. За деньги изменялись законы и писались папские буллы, дарующие освобождение от наказания за самые ужасные преступления.

Многие разочарованные горожане говорили, что в Риме все имеет свою цену: церкви, священники, помилование и даже прощение Всевышнего.

За редким исключением, священниками становились вторые сыновья аристократических семейств: их с самого рождения готовили к служению Господу. Они шли в религию не по призванию, но, поскольку церковь по-прежнему обладала правом назвать короля – королем и могла обеспечить райскую жизнь на земле, знатнейшие семьи Италии раздавали взятки и подарки, чтобы протолкнуть своих сыновей в коллегию кардиналов.

Таким было Возрождение, время кардинала Родриго Борджа² и его семьи.

² *Родриго Борджа* (1431–1503) – кардинал, затем Папа Александр VI.

Глава 1

Золотые лучи летнего солнца согревали вымощенные брусчаткой улицы Рима. Оставив за спиной Ватикан, кардинал Родриго Борджа быстрым шагом направлялся к трехэтажному дому на пьяцца де Мерло, чтобы забрать своих троих малолетних детей: сыновей Чезаре и Хуана и дочь Лукрецию, плоть от плоти, кровь от крови. В этот знаменательный день вице-канцлер Папы, второй по могуществу человек в римской католической церкви, особенно остро чувствовал благоволение Господа.

И довольно насвистывал, входя в дом их матери, Ваночцы Катаней. Церковнослужитель, он не имел права жениться, но, как слуга Господа, нутром чувствовал, что понимает Божий замысел. Ибо разве не создал Он Еву для того, чтобы дать пару Адаму, даже в раю? Так отчего же не следовать тем же канонам на грешной земле, переполненной несчастьями? Здесь, как нигде, мужчина нуждается в женской заботе и ласке. У него было еще трое детей, из тех далеких времен, когда он служил епископом, но не они, а более поздние, зачатые от него Ваночцой, занимали особое место в его сердце. Они, казалось, разжигали в нем те же высокие устремления, что и она. Даже теперь, пусть они были совсем юными, он видел их стоящими с ним плечом к плечу, помогающими ему вобрать в границы Папской области всю Италию и распространить власть римской католической церкви на весь мир.

Всякий раз, когда он приходил в этот дом, дети называли его «папой», не видя никакого противоречия в том, что он любит их и при этом служит Святейшему престолу. Они не находили ничего необычного в том, что он – кардинал и при этом их отец. И с чего? Ведь сын и дочь Папы Иннокентия участвовали во всех церковных церемониях.

Ваночца ходила в любовницах кардинала Родриго Борджа больше десяти лет, и он улыбнулся, подумав о том, что она, наверное, единственная, кому удалось на протяжении стольких лет будить в нем страсть. Разумеется, он и не думал хранить верность Ваночце, с его аппетитом к плотским удовольствиям об этом не стоило и заикаться, но она играла в его жизни важную роль. Только с ней, умной и, по его меркам, прекрасной, он мог обсудить насущные вопросы как мирской, так и церковной жизни. Она частенько давала ему дельный совет, а он в ответ проявлял себя искусным любовником и любящим отцом их детей.

* * *

Ваночца стояла в дверях дома и мужественно улыбалась, на прощание махая рукой уходящим детям. Только одно придавало сил этой женщине, которой оставалось совсем ничего до сорокалетнего рубежа: она понимала этого мужчину в сутане кардинала. Она знала мощь пылающего в нем честолюбия. Он уже разработал военную стратегию святой католической церкви, направленную на то, чтобы влияние ее существенно расширилось, наметил союзы, которые могли укрепить это влияние, вел переговоры, призванные усилить как его позицию, так и власть церкви. Идеи маршировали в его мозгу с той же решимостью, как, придет час, предстояло маршировать по вновь приобретенным территориям его армиям. Провидение уготовило ему судьбу одного из лидеров рода человеческого, а с его возвышением укреплялось бы и положение ее детей. Ваночца утешала себя тем, что придет день, когда они, законные наследники кардинала, получат богатство и власть. Поэтому она их и отпустила.

И теперь крепко прижимала к себе единственного оставшегося сына, Хофре, еще младенца, которого кормила грудью. Только поэтому его ей и оставили, но она знала, что ненадолго. Черные глаза блестели слезами, когда она наблюдала за уходящими от нее детьми. Только раз обернулась Лукреция. Мальчишки не повернули головы.

Ваночца наблюдала, как красивый, представительный кардинал взял за руку младшего сына, Хуана, и малютку-дочь, трехлетнюю Лукрецию. Старшему сыну, Чезаре, руки не досталось, и он уже начал сердиться. «Драки не миновать», – подумала она, но решила, что со временем Родриго будет знать характер детей так же хорошо, как и она. Неохотно она закрыла тяжелую деревянную дверь.

Они прошли лишь несколько шагов, когда разозлившийся Чезаре с такой силой толкнул младшего брата, что тот, выпустив руку отца, споткнулся и чуть не упал. Кардинал удержал мальчика на ногах, повернулся ко второму сыну.

– Чезаре, почему бы тебе не попросить того, что ты хочешь, а не толкать младшего брата?

Хуан, на год моложе семилетнего Чезаре, но куда как более хрупкого телосложения, гордо фыркнул, чувствуя себя под защитой отца. Но не успел поблаженствовать, как Чезаре шагнул к нему и пнул ногой.

Хуан вскрикнул от боли.

Кардинал схватил Чезаре за воротник, оторвал от брусчатки, тряхнул с такой силой, что каштановые локоны мальчика упали на лицо, вновь поставил на землю. Присел перед ним на корточки, взгляд карих глаз заметно потеплел.

– В чем дело, Чезаре? Чем ты недоволен?

Глаза мальчика, черные, с проникающим в душу взглядом, сверкнули, как два уголька.

– Я ненавижу его, папа, – голос звучал бесстрастно. – Ты всегда выбираешь его...

– Ну что ты, Чезаре, – добродушно улыбнулся кардинал. – Сила семьи, как и армии, в верности друг другу. Кроме того, ненавидеть собственного брата – смертный грех, а у тебя нет нужды подвергать опасности свою бессмертную душу, – он выпрямился, возвышаясь над ними, как гора. Со смешком похлопал себя по внушительному животу. – Меня определенно хватит на вас всех... не так ли?

Родриго Борджа впечатлял как габаритами, так и ростом. Его грубоватое, далеко не аристократическое лицо влекло женщин, темные глаза часто весело поблескивали, нос, пусть и большой, не выбивался из общих пропорций, чувственные губы, с которых обычно не сходила улыбка, вроде бы говорили об открытости души. Едва ли не все считали его одним из самых интересных мужчин своего времени благодаря харизме, невидимой энергии, которую он щедро излучал.

– Чез, ты можешь занять мое место, – предложила Чезаре сестра таким твердым и командным голосом, что кардинал обернулся к ней. Она стояла, сложив руки на груди, длинные белокурые локоны падали на плечи, на ангельском личике застыла непоколебимая решимость.

– Ты не хочешь идти с папой за руку? – кардинал сделал вид, что обижается.

– Я не буду плакать из-за того, что не держу тебя за руку, – ответила она. – И не буду из-за этого сердиться.

– Креция, – в голосе Чезаре слышалась искренняя любовь, – не будь дурой. Хуан просто прикидывается маленьким. На самом же деле он может постоять за себя, – и пренебрежительно посмотрел на своего брата, который утирал слезы шелковым рукавом рубашки.

Кардинал взъерошил темные волосы Хуана, подбодрил его:

– Перестань плакать. Можешь взять меня за руку. – Посмотрел на Чезаре: – А ты, мой маленький воин, возьми вторую. – Взглянул на Лукрецию и одарил ее любящей улыбкой. – А ты, мое дитя? Что твой папа может для тебя сделать?

Выражение лица девочки не изменилось, на нем не отразилось никаких эмоций. Родриго одобрительно кивнул.

– Ты – истинно папина дочь, и в награду за твои великодушные и смелость ты усядешься на единственное почетное место.

Родриго Борджа наклонился, высоко поднял маленькую девочку и усадил себе на плечи. Рассмеялся от радости. А когда зашагал, в развевающейся, элегантной сутане, его дочь, казалось, превратилась в новую и прекрасную корону, которую сама судьба водрузила на голову кардинала.

* * *

В тот же день Родриго Борджа поселил детей во дворце Орсини в Ватикане, который возвышался напротив его собственного. Его вдовья кузина, Адриана Орсини приглядывала за детьми и следила за тем, чтобы они получили должное образование.

После помолвки ее тринадцатилетнего сына Орсо его невеста, пятнадцатилетняя Джулия Фарнезе, переехала во дворец, чтобы помогать Адриане.

Хотя повседневные заботы о детях теперь лежали на кардинале, они иногда виделись с матерью, которая в третий раз вышла замуж, за Карло Канале. Его выбрал Родриго Борджа, как он выбирал и первых двух мужей Ваночцы, зная, вдове необходим муж, чтобы обеспечить ей – защиту, а дому – приличную репутацию. Кардинал всегда был щедр, но то, что он ей недодал, она получила от двух первых мужей. В отличие от других красивых, но пустоголовых куртизанок, чьими услугами пользовались аристократы, Ваночцу отличала практичность, восхищавшая Родриго. Ей принадлежали несколько пользующихся популярностью харчевен и загородное поместье, которое также приносило приличный доход. Набожная женщина, она построила часовню, в которой ежедневно возносила молитвы.

По прошествии десяти лет взаимная страсть несколько поугасла, но Родриго и Ваночца оставались добрыми друзьями.

Не прошло и нескольких недель, как Ваночце пришлось расстаться и с последним ребенком, Хофре, который все время плакал в отсутствие братьев и сестры. Вот так все четверо детей кардинала Родриго вновь оказались под одной крышей, на попечении его кузины.

Как и положено детям кардинала, несколько следующих лет их обучали лучшие учителя Рима. В список дисциплин входили гуманитарные науки, астрономия и астрология, древняя история и несколько языков, включая испанский, французский, английский и, разумеется, язык церкви – латынь. Чезаре учился неплохо благодаря острому уму и стремлению во всем быть первым, но наибольшие успехи демонстрировала Лукреция, проявляя при этом и силу характера, и способности.

Хотя большинство девочек отправляли в монастыри, где они учились и воспитывались в уважении к святым, Лукреция, с разрешения кардинала и по совету Адрианы, воспитывалась в почтении к музам, и учили девочку те же учителя, которых приглашали к ее братьям. Поскольку она обожала искусство, список изучаемых ею предметов дополнился игрой на лютне, танцами и рисованием. Лукреция прекрасно вышивала на золотой и серебряной парче.

Она с радостью развивала таланты, заложенные в ней природой. Тем самым возрастала ее роль и в планах отца: выдав ее замуж, он собирался надежно скрепить один из союзов, которым предстояло упрочить могущество семьи Борджа. Лукреция обожала писать стихи и проводила долгие часы над строками, посвященными Богу и романтической любви. Должно быть, ее вдохновляли святые, потому что сердце девочки постоянно переполняли слова.

Джулия Фарнезе относилась к Лукреции как к младшей сестре, кардинал и Адриана уделяли ей максимум внимания, так что росла она счастливым ребенком. Любопытная и легко ладящая с людьми, она терпеть не могла дисгармонии и всячески старалась поддерживать в семье мир и спокойствие.

* * *

Одним прекрасным воскресным утром, отслужив мессу в базилике святого Петра, кардинал Борджа пригласил детей присоединиться к нему за столом. Такой поступок требовал немалой смелости, ибо до Папы Иннокентия всех детей церковных иерархов объявляли племянниками или племянницами. Открытое признание отцовства могло помешать назначению на важный церковный пост. Разумеется, люди знали, что у кардиналов и даже у самих Пап были дети (все знали, что они грешили), но, пока сведения эти не становились достоянием широкой общественности и правда доверялась только секретным пергаментам, честь церкви оставалась незапятнанной. В этих вопросах каждый иерарх делал свой выбор, но кардинал терпеть не мог лицемерия. Случалось, конечно, что и ему приходилось лгать или говорить не всю правду. Но ведь он, в конце концов, был и дипломатом.

По столь торжественному случаю Адриана нарядила детей в самое лучшее: Чезаре – в черный атлас, Хуана – в белый шелк, двухлетнего Хофре – в богато расшитый синий бархат. Джулия надела на Лукрецию длинное кружевное платье цвета персика и украсила белокурую головку девочки маленькой драгоценной диадемой.

* * *

Кардинал только закончил читать письмо, которое доставил из Флоренции его старший помощник, Дуарте Брандао. В письме речь шла о некоем монахе-доминиканце, известном под именем Савонарола. Ходили слухи, что он – пророк, устами которого глаголет Святой Дух, но кардинала куда больше беспокоило другое: граждане Флоренции гурьбой валили на проповеди Савонаролы и с энтузиазмом реагировали на его призывы. А в своих пламенных речах он бичевал погрязший в плотских утехах и кичащийся своим богатством правящий в Риме папский режим.

– Мы должны приглядывать за этим монахом, – заметил Родриго Борджа. – Великие династии гибли от руки таких вот людей, которые верили, что обладают знанием святых истин.

Брандао, высокий, тощий, с длинными черными волосами и приятным лицом, по первому впечатлению веселый и обходительный, отличался необычайной жестокостью. Прогневавший его человек не знал пощады. Все соглашались с тем, что лучше не числиться в его врагах. Вот и теперь Дуарте, разглаживая указательным пальцем усы, прикидывал, как ему реагировать на указание Родриго Борджа.

– Говорят также, что этот монах последними словами ругал Медичи, и граждане Флоренции ревели от восторга.

Когда в личные апартаменты кардинала вошли дети, разговор прервался. Дуарте Брандао улыбкой приветствовал их и отступил в сторону.

Лукреция с радостным криком бросилась в объятия отцу, но мальчики остались стоять у двери, заложив руки за спины.

– Проходите, сыновья мои, – пригласил их Родриго, держа дочь на руках. – Проходите и поцелуйте папу, – и одарил их теплой улыбкой.

Чезаре подошел к отцу первым. Родриго Борджа усадил Лукрецию на маленький золоченый стульчик у ног и обнял сына, высокого, мускулистого. Отцу нравилась та сила, которую чувствовали его руки. Он знал, что мальчик сможет постоять за себя. Родриго опустил руки, отступил на шаг, окинул Чезаре любящим взглядом.

– Чезаре, я каждый день возношу благодарственную молитву нашей благословенной Мадонне за то, что ты радуешь мое сердце всякий раз, когда я обнимаю тебя.

Чезаре улыбнулся, довольный теплым приемом. И отступил в сторону, освобождая место Хуану. То ли из-за учащенного сердцебиения, то ли из-за порывистого дыхания, которое выдавало волнение мальчика, но Родриго отреагировал на хрупкость Хуана. Нежно прижал к себе и долго не отпускал.

Обычно, если кардинал ел один, он ограничивался хлебом, фруктами и сыром. Но в этот день он приказал слугам подать на стол макароны и курятину, телятину в сладком соусе и засахаренные грецкие орехи.

Когда дети, Адриана и ее сын Орсо, прекрасная Джулия Фарнезе, смеясь и радостно болтая, усаживались за стол, Родриго Борджа чувствовал себя счастливейшим человеком. Окруженный семьей и друзьями, он конечно же не мог не радоваться жизни. Про себя произнес благодарственную молитву. И когда слуга налил кроваво-красного вина в его серебряную чашу, душу Родриго наполнили покой и умиротворенность. Из любви к младшему сыну он протянул ему чашу, предлагая сделать первый глоток.

Но Хуан попробовал вино и скорчил гримаску.

– Оно горькое, папа. Мне не нравится.

Родриго Борджа, мгновенно насторожившись, похолодел от страха. Вино ему наливали сладкое, без всякой горечи...

И тут же мальчик пожаловался на плохое самочувствие, согнулся пополам от болей в животе. Кардинал и Адриана пытались успокоить Хуана, но еще через несколько мгновений его начало рвать. Кардинал взял мальчика на руки, отнес в соседнюю комнату, уложил на диван.

Немедленно вызвали ватиканского врача, но еще до его прихода Хуан потерял сознание.

– Яд, – заявил врач, обследовав ребенка.

Хуан уже побледнел, как смерть, у него поднялась температура, из уголка рта потекла черная желчь. Он лежал на расшитой парче, маленький и беспомощный.

Родриго Борджа пришел в ярость.

– Яд предназначался мне... – прорычал он.

Дуарте Брандао, стоявший рядом, выхватил меч, готовый отразить любую попытку причинить вред кардиналу или членам его семьи.

Кардинал повернулся к нему.

– Во дворце враг. Собери всех в главном зале. Налей каждому целую чашу вина и заставь выпить. Приведи ко мне того, кто откажется.

– Мой дорогой кузен, – озабоченно зашептала Адриана, – я понимаю ваше горе, но так вы можете потерять самых верных слуг, потому что многие заболеют, а некоторые умрут.

Родриго холодно глянул на нее.

– Я не собираюсь поить их тем вином, которое предложил моему бедному, невинному сыну. Они выпьют хорошего вина. И только грешник откажется его пить, ибо страх сожмет ему горло до того, как он поднесет чашу к губам.

Дуарте тут же отправился выполнять приказ кардинала.

Хуан лежал, не шевелясь. Адриана, Джулия и Лукреция сидели рядом, прикладывая к его лбу влажную тряпку.

Кардинал Родриго Борджа поднял висящую плетью маленькую ручонку мальчика, поцеловал. Потом ушел в личную часовню и в молитве преклонил колени перед статуей Девы Марии. Он обратился к ней, потому что она познала боль, вызванную утратой сына. И дал обет: «Я сделаю все, что в моих силах, все, на что способен человек, чтобы привести тысячи бессмертных душ в лоно единственно истинной церкви. Твоей церкви, Святая Мать. Я сделаю все, чтобы они поклонялись твоему сыну, если только ты спасешь жизнь моего...»

Юный Чезаре стоял у двери часовни, и, когда кардинал повернулся к нему, глаза мальчика блестели от слез.

– Зайди, Чезаре. Зайди, сын мой. Помолись за своего брата.

Чезаре вошел и опустился на колени рядом с отцом.

* * *

В апартаментах кардинала царило молчание, пока пришедший Дуарте не объявил, что отравитель найден.

– Это поваренок. Раньше служил правителю Римини.

Римини, маленькой феодальной провинцией на восточном побережье Италии, правил герцог Гаспаре Малатеста, злейший враг Рима и Папы. Прозвище Лев он получил не за габариты, хотя в таком теле могли уместиться и две души, не за угрюмое, словно изрытое ямами лицо, но за копну нечесаных, жестких, рыжих волос.

Кардинал Борджа отошел от дивана, на котором лежал его сын, и прошептал Дуарте: «Узнай у поваренка, почему он так не любит его святейшество. Потом проследи, чтобы он выпил всю бутылку со стола. До последней капли».

Дуарте кивнул.

– И что нам делать после того, как вино подействует?

Глаза кардинала сверкнули, лицо побагровело.

– Посади его на осла, крепко привяжи и отправь его с запиской ко Льву Римини. Посоветуй начать молиться о прощении и готовиться к встрече с Создателем.

* * *

В глубоком сне Хуан пролежал несколько недель, и кардинал настоял на том, чтобы мальчик оставался в его дворце в Ватикане, где за ним присматривал личный врач Родриго Борджа. У постели Хуана постоянно дежурили Адриана или кто-то из слуг, а кардинал по несколько часов в день проводил в часовне, молясь Мадонне. «Я приведу в единственно истинную церковь тысячи душ, – раз за разом обещал он, – если только ты упросишь Христа сохранить жизнь моему сыну».

Когда его молитвы услышали и Хуан пошел на поправку, кардинал стал все больше времени и сил отдавать святой католической церкви и своей семье.

Но Родриго Борджа уже понял, что одни только небеса не могут обеспечить безопасность его близких. И принял соответствующие меры.

* * *

Теперь кардинал точно знал, что пришла пора вызывать из Испании дону Мигуэля Корелью, также известного как дон Мичелотто.

Племянник кардинала Родриго Борджа, он рос в Валенсии, не отличаясь ни жестокостью, ни мстительностью. Однако очень часто случалось так, что ему приходилось защищать добрых людей от злобы других, которые принимали доброту за слабость.

Мигуэль едва ли не с детства понял, что его призвание – опекать тех, кто нес в мир слово Господа и римской католической церкви.

Ему было шестнадцать, когда главарь бандитов в сопровождении нескольких вандалов ворвались в их дом и попытались отогнать подростка от сундука, в котором его мать спрятала святые иконы и льняное полотно. Мигуэль, который редко открывал рот, обругал бандитов и отказался отойти, после чего главарь выхватил стилет и полоснул подростка по щеке, от самого рта. Кровь хлынула на рубашку, закричала мать, зарыдала сестра, но Мигуэль не сдвинулся с места.

Наконец на улице собрались соседи, и бандиты, испугавшись, что их всех схватят, убежали из деревни.

Несколько дней спустя эта же банда попыталась вновь напасть на деревню, но крестьяне уже подготовились к встрече. Большинство бандитов убежали, главаря схватил Мигуэль. На следующее утро тот висел на суку большого дерева на деревенской площади.

С того самого дня и начала расти слава Мигуэля Корельо. Никто не решался обидеть его самого, друзей или родственников из страха неминуемого возмездия. Лицо его зажило, но шрам остался, и казалось, рот Мигуэля постоянно кривится в злобной усмешке. И хотя любой другой человек с такой усмешкой одним своим видом нагонял бы страх, Мигуэля любили за его честность и благородство, его золотисто-коричневые глаза лучились состраданием, и каждый, кто заглядывал в них, видел его добрую душу. Именно тогда из любви к нему жители деревни начали звать его «дон Мичелотто», дон Карающий Меч, и он действительно пользовался всеобщим уважением.

Кардинал Родриго Борджа пришел к выводу, что сидящие на троне церкви не могли сами защитить себя от злобы недоброжелателей без помощи других людей. Так уж сложилось в мире, где они жили.

Никто не удивился тому, что именно молодому дону Мичелотто судьба уготовила роль борца со злом, пусть ради этого ему и приходилось убивать. Его любовь и верность Господу и Святому престолу не вызвали сомнений, какие бы сплетни ни распространяли о нем враги. И кардинал точно знал, что дон Мичелотто всегда выполнит приказ и будет действовать во благо святой матери-церкви.

Как кардинал верил, что в своих решениях руководствуется волей Божьей, так и дон Мичелотто полагал, что та же воля направляет его руку, поэтому у него не возникало даже мысли о том, что его деяния – грех. Ведь всякий раз, лишая жизни врага кардинала или церкви, он возвращал душу убитого домой, на суд Отцу Небесному.

Вот почему вскоре после выздоровления сына Родриго Борджа, который тоже вырос в Валенсии и знал, какая кровь течет в жилах этого испанца, вызвал своего племянника в Рим. Прекрасно понимая, какие опасности таит в себе этот город, он доверил дону Мичелотто, которому только-только исполнился двадцать один год, охрану своей семьи. И теперь дети кардинала, появляясь на людях, видели за своим плечом спокойное лицо дона Мичелотто.

Обязанности вице-канцлера требовали частых разъездов, но, находясь в Риме, кардинал каждый день приходил к детям, чтобы поговорить и поиграть с ними, и практически всегда дон Мичелотто составлял им компанию. А с наступлением жаркого и душного лета стремился покинуть загроможденные толпой узкие улицы и увозил детей в свое роскошное загородное поместье.

Глава 2

На территории поместья, расположенного в предгорьях Апеннин, в одном дне пути от Рима, лежало маленькое чистое озеро, окруженное прекрасным сосновым лесом. Родриго Борджа получил его в подарок от своего дяди, Папы Каликста III, и в последние несколько лет позаботился о том, чтобы семья могла отдыхать там со всеми удобствами.

Поместье он назвал «Серебряное озеро». Магический уголок, заполненный звуками и красками природы, по разумению кардинала, рай на земле. На заре и в сумерках, когда синева уходила с неба, поверхность озера становилась серебристо-серой. Впервые увидев это чудо, кардинал так и не смог оторвать от него глаз. Родриго Борджа надеялся, что он и дети проведут здесь счастливейшие моменты жизни.

В летние дни дети купались в озере и бегали по зеленым полям, тогда как кардинал неспешно прогуливался по апельсиновым и лимонным рощам, с янтарными четками в руке. И не мог надивиться на красоту жизни, а особенно, красоту собственной жизни. Конечно, он не признавал праздности, работал не покладая рук, помнил, сколь долгий путь прошел он с той поры, когда был совсем молодым епископом, но только ли трудолюбие определяло судьбу человека? Ибо многие трудились не менее усердно, но небеса ничем не вознаграждали их в земной жизни. Благодарность переполняла его сердце, кардинал поднимал глаза к небу, чтобы произнести молитву и получить благословение. Ибо под броней его веры, даже после стольких лет служения Господу, таился ужас: а не наступит ли день, когда за такую жизнь ему выставят немалый счет? Да, конечно, милосердие Господа не знало границ, но не могла не проверяться искренность намерений тех, кто удостоивался чести вести души в лоно святой церкви. Как еще Господь мог признать человека достойным? Кардинал надеялся, что своими деяниями доказал и доказывает право считаться таковым.

Как-то вечером, после того, как он и дети плотно поужинали на берегу озера, кардинал устроил фейерверк. Хофре, самого маленького, он держал на руках, Хуан крепко прижимался к его сутане.

Серебряные звезды широкими арками прочерчивали небо, каскады разноцветных огней падали на воду. Чезаре держал сестру за руку и чувствовал, как она дрожит. Грохот, вспышки света над головой напугали Лукрецию до слез.

Когда кардинал это заметил, он передал Хофре Чезаре, а Лукрецию взял на руки.

– Папа тебя подержит, – проворковал он. – С папой тебе нечего бояться.

Чезаре стоял рядом с отцом, с ребенком на руках, и слушал, как кардинал доходчиво объясняет дочери, что творится на небе. Он вслушивался в мелодичный голос отца, уже тогда понимая, что всегда будет дорожить воспоминаниями о времени, проведенном в «Серебряном озере». В тот вечер он чувствовал себя самым счастливым ребенком на свете, знал, что непреодолимых преград нет и ему все по плечу.

* * *

Кардинал Родриго Борджа получал наслаждение от всего, чем занимался. Он относился к тем редким людям, кто умел зажечь окружающих своим энтузиазмом. По мере того, как дети росли и их кругозор расширялся, он начал беседовать с ними о религии, политике, философии, проводил долгие часы с Чезаре и Хуаном, растолковывая им тонкости дипломатии, важность религиозной и политической стратегии. Чезаре воспринимал эти беседы, как праздник, Хуан зачастую скучал. После того как Хуан едва не умер, кардинал окружил его чрезмерной заботой,

и это привело к тому, что мальчик рос избалованным и вечно всем недовольным. Но все свои надежды Родриго Борджа связывал с Чезаре, и тот, похоже, оправдывал ожидания отца.

Родриго обожал приходить во дворец Орсини, ибо и кузина Адриана, и юная Джулия восхищались им и встречали со всем радушием. Джулия выросла в писаную красавицу, с золотистыми, как у Лукреции, едва не до пола волосами, большими синими глазами и пухлыми губками. В Риме ее так и звали – La Bella. Кардинал начал все чаще на нее заглядываться.

Джулия Фарнезе происходила из небогатой семьи, но своему жениху, который был на два года моложе ее, принесла немалое приданое – триста флоринов, по тем временам внушительная сумма. И если дети Родриго всегда радовались его появлению во дворце Орсини, то вскоре и Джулия стала с нетерпением ожидать очередного визита. И очень часто, причесав Лукрецию и надев на нее лучшее платье, прихорашивалась сама. Родриго Борджа, конечно же, не мог этого не заметить, но, учитывая разницу в возрасте, сие лишь вызывало у него улыбку.

Когда подошел срок свадьбы его крестника Орсо и Джулии Фарнезе, кардинал, из уважения к кузине Адриане и благорасположения к невесте, предложил лично поженить их в Звездном зале собственного дворца.

В тот самый день юная Джулия, в красном атласном платье, под серебристой фатой разом превратилась из ребенка, которого кардинал знал не один год, в самую прекрасную женщину на свете. И ему потребовалось немало усилий, чтобы сдержать вспыхнувшую в нем страсть.

В скором времени Орсо, вместе с советниками, отправили в поместье кардинала в Бассанелло обучаться азам военного дела, а Джулия Фарнезе с готовностью пришла сначала в объятия кардинала, а потом в его постель.

* * *

Когда Чезаре и Хуан вступили в пору отрочества, они сделали следующий шаг на пути, прочерченном отцом. Знания давались Хуану с трудом, поэтому кардинал решил, что ни священником, ни ученым ему не стать. И его будущее – армия. А вот блестящие умственные способности Чезаре привели его в университет Перуджи. Два года спустя, с отличием окончив его, Чезаре попал в университет Пизы, чтобы продолжить изучение теологии и канонического закона. Кардинал надеялся, что Чезаре пойдет по его стопам и высоко поднимется в церковной иерархии.

* * *

Кардинал Родриго занимал пост вице-канцлера или папского адвоката при нескольких Папах. Последнему Папе Иннокентию VIII он служил восемь лет и за это время сделал все возможное для укрепления мощи и легитимности папства.

Но бедный Иннокентий лежал при смерти, ему не помогало ни свежее материнское молоко, ни переливание крови от троих мальчиков. Мальчикам заплатили по дукату, но, когда медицинский эксперимент закончился неудачно и привел к фатальному исходу, их похоронили с почестями, а семьи получили по сорок дукатов каждая.

К сожалению, Иннокентий оставил казну пустой, а святую церковь – открытой нападкам со стороны Испании и Франции. Финансы находились в таком ужасном состоянии, что Святому Отцу пришлось закладывать свою митру, священный головной убор, чтобы купить пальмовых листьев и раздавать их на Вербное воскресенье. Вопреки совету Родриго Борджа он разрешал правителям Милана, Неаполя, Венеции, Флоренции и других городов-государств и феодалов задерживать выплаты церкви, тогда как сам тратил огромные деньги на подготовку новых Крестовых походов, в которых уже никто не хотел участвовать.

Только талантливый политик и финансист мог вернуть святой католической церкви ее былую славу. Но кто именно? Гадали все. Однако только конклав кардиналов, ведомых Святым Духом и вдохновленных небесами, мог дать ответ на этот животрепещущий вопрос. Ибо Папой способен стать не обычный человек, но ниспосланный свыше.

* * *

Шестого августа 1492 года в Сикстинской капелле под охраной швейцарской гвардии, римских аристократов и иностранных послов, оберегавших кардиналов от влияния извне, собрался конклав, чтобы избрать нового Папу.

Согласно традиции, как только Иннокентий отошел в мир иной, двадцать три кардинала уединились, чтобы избрать Бога-человека, Хранителя Ключей, преемника святого Петра, Наместника Бога на Земле. Ему предстояло стать не только духовным лидером святой римской католической церкви, но и властителем Папской области. Этого человека должны были отличать незаурядный ум, умение руководить людьми и армиями, дипломатический талант, позволяющий находить общий язык как с местными владетелями, так и с иностранными королями и принцами.

Святая тиара Папы несла с собой не только огромные богатства, но и не меньшую ответственность. От Папы зависело, объединятся ли мелкие города-государства Италии или будут и дальше дробиться, в результате чего Италия могла попасть под влияние соседних государств, которые уже обрели центральную власть. Поэтому еще до смерти Папы Иннокентия велись сложные переговоры, давались твердые обещания всяческих благ в случае победы того или иного кандидата.

Среди всех кардиналов лишь несколько могли реально претендовать на папскую тиару: Асканьо Сфорца из Милана, Чибо из Венеции, делла Ровере из Неаполя и Борджа из Валенсии. Но Родриго Борджа был иностранцем, спасибо испанским корням, так что его шансы расценивались как минимальные. Каталонское происхождение играло против него. И хотя он сменил фамилию с испанской *Borja* на итальянскую *Borgia*, едва ли это что-то изменило. Аристократия Рима не желала считать его своим.

Однако никто не забывал и о том, что он верно прослужил церкви тридцать пять лет. Будучи папским адвокатом, он несколько раз разрешал сложные дипломатические ситуации к выгоде прежних Пап, хотя каждая победа Ватикана также увеличивала богатства его семьи и дарованные ей привилегии. Многие родственники получили через него важные посты и ответственность, которая, по мнению древнейших родов Италии, по праву принадлежала им. Папа-испанец? Нонсенс. Святой престол находился в Риме, а потому представлялось логичным, что и восседать на нем должен уроженец одной из провинций Италии.

И теперь, в ореоле загадочности, конклав начал исполнять Божью волю. Изолированные в маленьких кельях огромной холодной капеллы, кардиналы не могли контактировать ни друг с другом, ни с внешним миром. Каждый принимал решение наедине с собой, молясь и следуя наитию свыше, стоя на коленях перед маленьким алтарем, под распятием и при свете свечей. В этих крохотных, полутемных комнатках, всю обстановку которых составляла койка, на которой они могли отдохнуть, стульчик для ночного горшка и сам горшок, ваза для засахаренного миндаля, марципанов и сладкого печенья и кувшин с водой, им предстояло оставаться до избрания Папы. Поскольку кухни в капелле не было, каждому кардиналу еду приносили из его дворца и передавали в корзинке через лючок в двери. В оставленное для раздумий время каждый кардинал в борьбе с собственной совестью пытался определить оптимальный выбор с позиций семьи, государства, которое он представлял в Риме, и святой матери-церкви. Те, кто не проявлял должной ответственности, могли спасти накопленное состояние, но потерять бессмертную душу.

Время, отпущенное на проведение конклава, стремились свести к минимуму, поэтому на вторую неделю количество пищи ограничивалось, а на третью кардиналы могли получать только хлеб, вино и воду. Потому что со смертью Папы править начинал хаос. Лишенные верховной власти, улицы Рима превращались в поле боя. Магазины и частные дома подвергались разграблению, сотни граждан лишались жизни. Но на этом беды не заканчивались. Если под святой тиарой долго не было головы, Риму грозил захват иностранцами или решительными соседями.

Когда началось голосование, тысячи горожан собрались на площади перед часовней. Они громко молились, распевали псалмы и надеялись, что новый Папа умолит небеса остановить уличный беспредел. Они махали флагами, ожидая, когда же посланник конклава выйдет на балкон и объявит радостную весть.

Первый тур длился три дня, но ни один из кардиналов не набрал необходимые две трети голосов. Асканьо Сфорца из Милана и делла Ровере из Неаполя получили по восемь голосов, Родриго Борджа – семь. По завершении голосования, поскольку явного лидера не выявилось, избирательные бюллетени торжественно сожгли.

В то утро толпа на площади с нетерпением ожидала, какой же дым появится над трубой. И когда повалил черный, образовав в синем небе над Сикстинской капеллой некое подобие вопросительного знака, разочарованно вздохнула. Многие крестились и поднимали к небу деревянные кресты. А потом горожане принялись истово молиться и еще громче распевать псалмы.

Кардиналы же разошлись по кельям, чтобы, возможно, переменить ранее принятое решение.

Второй тур, прошедший двумя днями позже, принес тот же результат, и опять из трубы повалил черный дым. На площади все меньше людей молились и пели псалмы. В ту ночь она погрузилась в темноту, разрываемую несколькими фонарями.

Дикие слухи будоражили Рим. Наутро многие клялись, что видели восход не одного, а сразу трех солнц. Толпе доходчиво растолковали смысл увиденного – свидетельство того, что в следующем Папе объединятся три власти: земная, духовная и божественная. Горожане сочли, что это хороший знак.

А в ночь в башне дворца кардинала Джулиано делла Ровере, куда никого не пускали, вроде бы одновременно вспыхнули шестнадцать факелов, а потом все, кроме одного, вдруг погасли. Вот это однозначно расценили как дурной знак! Так кому же предстояло стать следующим Папой? Над площадью повисла напряженная тишина.

В самой же капелле ситуация создалась тупиковая. В кельях становилось все холоднее. На многих пожилых кардиналах стало сказываться напряжение. Да разве можно логично мыслить, если жутко болят колени и пучит живот?

В ту ночь, один за другим, несколько кардиналов вышли из своих каморок и проскользнули в кельи других. Переговоры возобновились, богатства, посты, перспективы менялись на один-единственный голос. Заключались новые союзы, но возникали сомнения, а будут ли выполняться новые договоренности. Все знали, какая короткая у людей память. Кардиналам приходилось решать, кому же отдать свой драгоценный голос, более щедрому на посулы или тому, кто обычно держал слово.

На площади толпа все редела. Многие горожане, уставшие и разочарованные, разошлись, озаботившись собственной безопасностью и безопасностью своих домов. Так что в шесть утра, когда из трубы, наконец, повалил белый дым и камни начали падать из окон Ватикана, указывая на готовящееся сообщение, услышать его смогли лишь немногие.

Священник, подняв над собой крест, громогласно объявил: «С огромной радостью вышел я к вам! У нас новый Папа!»

Те, кто знал, что два кардинала шли ноздря в ноздю, решили, что избран кто-то из них. Асканьо Сфорца или делла Ровере? Но в окне появился другой священник и вниз, как конфетти, посыпались маленькие листочки бумаги с начертанными на них словами: «Наш избранник – кардинал Родриго Борджа из Валенсии, отныне Папа Александр Шестой. Мы спасены!»

Глава 3

Став Папой Александром VI, кардинал Родриго Борджа понял, что первым делом он должен навести порядок на улицах Рима. За короткий отрезок времени, прошедший между смертью Папы Иннокентия и его возведением на папский престол, в городе от руки убийц погибло больше двухсот человек. А потому он чувствовал себя обязанным остановить это беззаконие, должным образом наказать грешников, чтобы добрые христиане поняли, что теперь могут молиться в мире, не боясь за себя и своих близких.

Первого убийцу поймали и тут же вздернули на сук. Не только убийцу, но и его родного брата. А потом сожгли и сровняли с землей дом, оставив всю семью без крыши над головой.

Порядок на улицах быстро восстановился, и горожане радовались тому, что теперь власть находится в столь крепких руках. Народ в своем выборе присоединился к кардиналам.

Но Александру предстояло принять и другие решения. Два – наиболее важных, не имеющих отношения к духовной сфере. Прежде всего он считал необходимым создать армию, чтобы утвердить католическую церковь в качестве мирской силы и вернуть контроль над Папской областью. Во-вторых, обеспечить будущее своим детям.

Сидя на троне в зале Веры Ватиканского дворца, он размышлял о путях Господних, мире, странах, семьях. Разве не он – непогрешимый наместник Бога на этой земле? А потому не его ли касаются судьбы мира, государств и их правителей, всех независимых городов Италии, как республик, так и олигархий? Включая и недавно открытую Индию? И не его ли обязанность давать им дельные советы? Должны же они признавать верховенство Бога!

И еще семья, бесчисленные Борджа, родственники, о которых следовало позаботиться, не говоря уже о собственных сыновьях и дочери. В них текла та же кровь, но он же не мог полностью контролировать их. Как ему поступать с ними? Чьи интересы учитывать в первую очередь? Мог он параллельно решать обе задачи, не жертвуя одной ради другой?

С долгом перед Богом Александру все было ясно. Его дело – укреплять церковь. Память о «Великом схизме», закончившемся семьдесят пять лет тому назад, когда соседствовали двое Пап и две церкви, укрепляли его в этой мысли.

Города Италии, ранее принадлежавшие церкви, теперь управлялись тиранами, которые стремились прежде всего набить золотом семейные сундуки, а уж потом платить церкви, которая освятила их правление. Короли использовали церковь как инструмент в борьбе за власть. О спасении бессмертных душ все забыли. Даже богатые короли Франции и Испании задерживали выплаты церкви, если им чем-то не нравился Папа. Как только смели! Или они не думали о том, что произойдет, если церковь более не будет считать их помазанниками Божьими? Как-никак, люди повиновались королям, лишь веря в то, что власть эта дарована им Богом, и только Папа мог подтвердить, что дело обстоит именно так, а не иначе. Александр знал, что должен играть на противоречиях между королями Франции и Испании, чтобы не дать им сблизиться и вновь собрать Великий совет. Церковь и Папа должны превратиться во всемирную силу, утверждающую волю Господа. Короче, необходима сильная армия. В голове Александра постепенно созрел план. Папе хватало воли и власти, чтобы реализовать его в жизнь.

* * *

Став Папой, Родриго Борджа постарался как можно скорее сделать своего сына Чезаре кардиналом. Еще ребенком Чезаре пользовался благорасположением церкви, которая удостоила его сана епископа с годовым доходом в тысячу дукатов. В год избрания Родриго Папой Чезаре исполнилось только семнадцать, но, пусть и подвластный плотским страстям и грехам

своего возраста, телом и умом он больше напоминал зрелого мужчину. Он получил дипломы по юриспруденции и теологии в университетах Перуджи и Пизы, и его диссертации по праву признавались одними из лучших, представленных в те годы студентами. Но больше всего его увлекали военная история и стратегия. Он участвовал в нескольких мелких сражениях, и в одном ему даже удалось отличиться. Так что в искусстве ведения войны он уже был далеко не новичком.

Александрю повезло. Бог благословил его сыном, обладающим острым умом, умением добиться поставленной цели и врожденной жестокостью, без которой невозможно выжить в этом несовершенном мире.

Чезаре Борджа получил известие о том, что выбран кардиналом святой римской католической церкви, когда еще изучал канонический закон в университете Пизы. Получение им этого высокого сана никого не удивило, поскольку он был сыном нового Папы. Но Чезаре Борджа воспринял это известие без радости. Да, он становился богаче, но, с другой стороны, сам он видел себя солдатом, а не священником, куда больше ему хотелось вести войска в битву, штурмовать замки и занимать города. А еще хотелось жениться и иметь детей, которые не будут рождены вне брака, как он сам.

Двое его ближайших друзей, тоже студенты, Джованни Медичи и Тила Бальони, поздравили его и начали готовиться к вечернему празднованию этого события, ибо на следующей неделе Чезаре предстояло ехать в Рим на инвеституру³.

Джо стал кардиналом еще в тринадцать лет стараниями его отца, правителя Флоренции, Лоренцо Великолепного. Из всех троих только Тила Бальони не имел церковного сана, но он был одним из наследников герцога Перуджи. Однако в университете Пизы к ним относились, как к обычным студентам. Хотя у каждого были слуги и телохранители, все трое при необходимости могли постоять за себя. Чезаре блестяще владел мечом, боевым топором и алебардой. Он обладал невероятной физической силой и ростом превосходил большинство людей. Прекрасно он успевал и на занятиях, учителя им гордились. Но именно этого и ожидали от сына Папы. Даже в семнадцать в Чезаре уже видели лидера.

Джованни учился хорошо, но не мог похвастаться физическими кондициями. Зато славился острым языком, но никогда не оттачивал его на своих друзьях. Тила Бальони, наоборот, брал не умом, а силой. Его отличал взрывной характер, и иной раз без всякого повода юноша впадал в дикую ярость.

Получение Чезаре кардинальской шляпы отпраздновали на семейной вилле Медичи, расположенной неподалеку от Пизы. Отпраздновали скромно, небольшой пирушкой в компании всего шести куртизанок. Мясо, сладости, вино, легкий разговор, никаких излишеств.

Спать легли рано, потому что на следующий день, до того, как разъехаться по домам, Джо Медичи – во Флоренцию, Чезаре Борджа – в Рим, решили вместе с Тилой Бальони отправиться в Перуджу, благо был повод. Двоюродный брат Тилы женился, и его тетя, Аталанта Бальони, настоятельно просила Тилу прибыть на свадьбу. Он не счел возможным отказаться.

На следующее утро все трое направились в Перуджу. Чезаре ехал на прекрасном жеребце, подарке Альфонсо, герцога Феррары. Джо – на белом муле, поскольку всадником был никаким. Тила – на мощном боевом коне с обрезанными ушами, придававшими ему грозный вид. И действительно, от одного только взгляда на наездника и коня у многих душа уходила в пятки. Броню никто не надел, но каждый вооружился мечом и кинжалом. Их сопровождали тридцать вооруженных людей, нанятых Чезаре Борджа и носивших его цвета, красный и желтый.

Перуджа находилась на пути из Пизы в Рим. Семья Бальони и Перуджа всегда яростно отстаивали свою независимость, хотя Папы считали город частью Папской области. Несмотря на мастерское владение оружием и недюжинную физическую силу, Чезаре Борджа, если б не

³ *Инвеститура* – церемония возведения в сан.

находился под защитой Тилы, никогда не решился бы посетить город. А теперь предвкушал возможность хорошенько повеселиться, поскольку понимал, что в Риме будет не до этого.

Перуджа произвела на него неизгладимое впечатление.

Особенно крепость, практически неприступная, построенная на огромном холме.

Въехав в город, трое молодых людей увидели, что все церкви и дворцы празднично украшены, статуи святых наряжены в золотые одежды. Чезаре весело болтал с друзьями, много шутил, но при этом его взгляд цепко выхватывал укрепления, и он забавлял себя, строя планы штурма города.

Правила Перуджей вдова, герцогиня Аталанта Бальони. Все еще красивая женщина, она славилась жестокостью и держала город в крепкой узде. Армией Перуджи командовал ее сын Нетто. Она очень хотела, чтобы ее любимый племянник Торино женился на Лавине, одной из ее фавориток, потому что чувствовала, что со временем Торино сможет помочь укреплению позиций семьи Бальони.

В замке собрались все ветви многочисленного клана Бальони. Играли музыканты, пары танцевали, столы ломились от всякой снеди. Тут же шли состязания в борьбе. Чезаре, гордящийся своей силой, выиграл все схватки, в которых участвовал.

С наступлением ночи Бальони поднялись в крепость, а Джованни, Чезаре и Тила отправились в покои последнего, чтобы продолжить пирушку.

Около полуночи, когда они ословели от выпитого вина, замок огласили крики. Тила немедленно схватил меч и попытался выбежать из покоев, но Чезаре остановил его.

– Позволь мне посмотреть, что происходит. Возможно, тебе грозит опасность. Я скоро вернусь.

Едва услышав крики, Чезаре интуитивно понял, что причина им – заговор. Так что покои Тилы он покинул с мечом в руке. И хотя за Бальони закрепилась репутация убийц, он знал, что они не решатся напасть на сына Папы. Коридорами замка он неспешно шел на крики. Наконец оказался около спальни новобрачных.

Увидел, что все там залито кровью. Статуя Девы Марии, портрет младенца Иисуса, белые простыни и наволочки, даже полог. На полу лежали тела новобрачных, Лавины и Торино, со смертельными ранами, нанесенными ударами мечей в сердца и по голове.

Над ними стояли Нетто и четверо его офицеров, с обагренными кровью мечами. Мать Нетто, герцогиня Аталанта, рыдала и проклинала своего любимого сына. Нетто попытался успокоить ее. Чезаре ловил каждое слово.

– Мама, – говорил Нетто, – Торино приобрел слишком большое влияние. Его семья готовилась отнять у тебя трон. Я убил всех членов его клана, – а потом добавил, что, хотя он и становится правителем города, она получит почетный пост в руководимом им государстве.

Аталанта отвесила ему пощечину.

– Меня предал сын! – заголосила она.

– Раскрой глаза, мама. Не только Торино, но и кузен Тила тоже участвовал в заговоре против тебя, – настаивал Нетто.

Чезаре услышал больше чем достаточно. Быстро вернулся в покои Тилы.

Узнав, что произошло, Тила пришел в ярость.

– Сплетни, все сплетни! Этот мерзавец Нетто пытается украсть корону у собственной матери. Хочет убить и меня.

Чезаре, Тила и Джо забаррикадировали дверь и через окно выбрались на крышу. Потом Чезаре и Тила спрыгнули в темноту заднего двора, помогли спуститься Джо, не такому сильному, как они. На земле Чезаре пришлось сдерживать Тилу, который порывался вернуться в замок, чтобы сразиться с Нетто. Но в конце концов ему удалось увести их в поля, к расположившемуся там лагерем отряду сопровождения. Там он почувствовал себя в полной безопасности, потому что теперь его окружали тридцать верных ему хорошо вооруженных солдат.

Оставался один вопрос: как действовать дальше? Остаться с Тилой, чтобы спасти своего друга, или увезти его в Рим? Чезаре предложил Тиле на выбор оба варианта, но тот их отверг. Только попросил Чезаре помочь добраться до Общественного дворца в центре Перуджи, где он мог собрать своих сторонников, чтобы потом защитить собственную честь и восстановить на престоле тетюшку.

Чезаре согласился, но сначала выделил Джо Медичи десять солдат, чтобы те сопровождали его до Флоренции. Как только они ускакали, вместе с остальными и Тилой двинулся к Общественному дворцу.

Там они нашли четырех вооруженных людей, верных сторонников Тилы. Он послал их за подмогой, и к утру Тила уже командовал сотней солдат.

Как только встало солнце, на городской площади появился отряд всадников, возглавляемый Нетто. Чезаре приказал своим солдатам не принимать участия в происходящем. Они лишь наблюдали, как Тила окружил площадь своими людьми, а потом один выехал навстречу Нетто.

Все закончилось, едва начавшись. Тила вплотную приблизился к Нетто, перехватил его правую руку, кинжалом ударил в бедро. Нетто свалился с лошади. Тила спешился и, прежде чем Нетто успел подняться, насадил его на свой меч. Солдаты Нетто попытались сбежать, но их взяли в плен. Тила тем временем вновь уселся на боевого коня с обрезанными ушами и приказал выстроить пленников перед ним.

В живых осталось только пятнадцать. Многие, раненые, едва держались на ногах.

Чезаре наблюдал, как Тила приказывает обезглавить солдат Нетто, как их головы поднимают на пиках на валу вокруг кафедрального собора. Его удивило, с какой легкостью, в мгновение ока, Тила, драчливый студент, превратился в безжалостного палача. Вот так семнадцатилетний Тила Бальони стал тираном Перуджи.

Вернувшись в Рим, Чезаре встретился с отцом, рассказал ему эту историю и спросил: «Если самая почитаемая святая в Перуджи – Дева Мария, почему они так жестоки?»

Папа Александр улыбнулся. История эта скорее позабавила его, нежели ужаснула.

– Бальони – истинно верующие, – ответил он. – Они верят в рай. Это великий дар. Как иначе человек может выдержать такую ужасную жизнь? К сожалению, вера эта придает смелости людям, служащим злу, и они совершают чудовищные преступления во имя добра и Господа.

* * *

Папа Александр не любил роскошь как таковую, но резонно полагал, что она способствует достижению поставленных им целей. Вот и его дворец в Ватикане пробуждал мысли о том, какая благодать ждет истинно верующего на небесах. Он понимал, что на людей производят впечатление земные богатства Бога, представляемые святой католической церковью. Обычные люди видели в Папе человека-бога, непогрешимого и почитаемого, но вот у королей и принцев в этом возникали сомнения. Для убеждения тех, у кого в венах текла благородная кровь, и служили золото и драгоценные камни, шелка и парча, огромная митра, которую Папа носил на голове, и расшитые золотом и серебром одежды, старинные, тщательно сохраняемые, бесценные.

В одном из самых больших помещений Ватикана, громадном зале Пап, тысячи квадратных ярдов расписанных стен и потолков демонстрировали блага, которые ждали праведных в последующей жизни. Именно в этом зале Папа принимал пилигримов со всей Европы, которые приходили с дукатами в руках, вымаливая отпущение грехов. Здесь же находились портреты знаменитых Пап, короновавших великих королей, таких, как Шарлеман IV⁴, возглавлявших

⁴ Шарлеман – Карл Великий, франкский император (ок. 742–814).

Крестовые походы и упросивших Мадонну вмешаться в текущие события ради блага человечества.

Эти портреты не оставляли ни грана сомнения в том, что все великие короли обрели свою власть из рук Папы, который помазывал его на престол. Папа был их земным Спасителем. Короли, склонив головы, на коленях стояли перед Папой, чей взор всегда был обращен к небесам.

Рядом с огромным залом располагались личные покои Александра, куда он пригласил своего сына Хуана. Пришла пора сказать ему, что он должен занять достойное место среди испанских аристократов.

Хуан Борджа ростом практически не уступал Чезаре, но не мог сравниться с ним силой и шириной плеч. Как отца и брата, природа не обделила его красотой, но его отличали чуть раскосые глаза и высокие скулы, доставшиеся от испанских предков. Его кожа побронзовела от долгих часов, проведенных верхом на лошади и на охоте, а в широко расставленных черных глазах очень уж часто мелькала подозрительность. Но главный недостаток Хуана заключался в другом: у него напрочь отсутствовало обаяние, свойственное Чезаре и Александру. Темные губы часто кривились в циничной усмешке, но не в тот момент, когда он преклонил колени перед отцом.

– Чем я могу услужить тебе, папа? – спросил он.

Александр улыбался, с любовью взирая на сына, ибо этот молодой человек, как и все юные, еще не нашедшие пути истинного, более всего нуждался в его советах. Только они могли обеспечить ему спасение бессмертной души.

– Пора тебе занять место твоего сводного брата Педро Луиса, который умер, завещав тебе герцогство и титул герцога Гандии. Незадолго до смерти состоялась его помолвка с Марией Энрикес, кузиной короля Испании Фердинанда, и я, как твой отец, так же как и Святейший Папа, решил оставить эту договоренность в силе, с тем чтобы укрепить наш союз с объединившейся Испанией и заверить Арагон в нашей дружбе. Таким образом, вскорости ты отправишься в Испанию за своей королевской невестой. Ты понял?

– Да, папа, – ответил Хуан, недовольно хмурясь.

– Тебе не по душе мое решение? – спросил Папа. – Оно идет на пользу и нам, и тебе. Семья эта богатая и знатная, и этот союз выгоден нам политически. Опять же, в Гандии огромный замок и богатые земли, которые будут принадлежать тебе.

– Должен ли я взять богатства с собой, чтобы они видели, что и меня надо уважать? – спросил Хуан.

Александр помрачнел.

– Если ты хочешь, чтобы тебя уважали, показывай набожность и страх перед Господом. Ты должен верно служить королю, уважать жену и избегать азартных игр.

– Это все, папа? – с ехидством спросил Хуан.

– Если я захочу сказать тебе что-то еще, то снова вызову тебя, – резко ответил Александр. Он редко злился на сына, но в этот день ему особенно хотелось отвесить ему пару оплеух. Но он напомнил себе, что Хуан еще молод и не обладает дипломатическим даром. Поэтому когда заговорил снова, голос его заметно смягчился. – Пройдет какое-то время, и тебе понравится твоя новая жизнь, сын мой. Ты ни о чем не пожалеешь, если должным образом разыграешь выпавшие тебе карты.

* * *

В день, когда Чезаре Борджа возводили в сан кардинала святой римской католической церкви, гигантская часовня базилики святого Петра ломилась от наплыва разодетых аристократов. Все лучшие семьи Италии сочли необходимым присутствовать на церемонии.

Из Милана приехал смуглолицый Лодовико Сфорца, по прозвищу Мавр. Его сопровождал брат, Асканьо Сфорца, теперь вице-канцлер Александра, одетый в расшитую ризу цвета слоновой кости и красную кардинальскую шляпу. Стоило им войти, как по базилике пробежал одобрителный шепоток.

Из Феррары прибыли Д'Эсте, одна из самых родовитых и консервативных семей Италии. Простые, в черных и серых тонах, одежды украшали потрясающие драгоценные цепи и ожерелья. Они приехали так далеко не только для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение, но и произвести хорошее впечатление на Папу и его нового кардинала, поскольку нуждались в их благоволении.

Но особенно резко повернулись головы собравшихся в базилике, когда в нее вошел Пьеро Медичи, молодой флорентийский аристократ, в богато расшитом изумрудном камзоле. По длинному центральному проходу он вел за собой семь гордых родственников, включая своего брата, близкого друга Чезаре Джованни Медичи. Пьеро на тот момент правил Флоренцией, но ходили слухи, что со смертью его отца, Лоренцо Великолепного, Медичи утратили контроль над городом и вскорости молодого принца свергнут, а Медичи изгонят из Флоренции.

Среди представляющих Рим семей выделялись Орсини и Колонна. Многие десятилетия враждовавшие между собой, семьи на какое-то время заключили некое подобие перемирия. Однако усаживались они в разных концах базилики, памятуя, что в не столь уж далеком прошлом кровавая схватка между ними едва не сорвала возведение в сан одного из кардиналов.

На первом ряду Гвидо Фелтра, могущественный герцог Урбино, шепотом беседовал с одним из наиболее влиятельных и последовательных противников Папы Александра VI, кардиналом Джулиано делла Ровере, племянником Папы Сикста IV, а теперь папским посланником во Франции.

Фелтра наклонился к кардиналу.

– Подозреваю, наш Чезаре скорее солдат, чем ученый. Этот мальчик со временем станет генералом, если, конечно, не будет метить в Папы.

Делла Ровере поморщился.

– Как и его отец, он думает только о плотских утехах. Да еще кичится своей силой. Заваливает быков, борется с крестьянами на ярмарках. Негоже...

Фелтра кивнул.

– Я слышал, его лошадь выиграла скачки в Сиене.

– Хитростью, а не в честной борьбе, – раздраженно ответил делла Ровере. – Наездник спрыгнул с нее перед самым финишем, отчего лошадь побежала быстрее. Результаты заезда, конечно, опротестовали. Однако судьи оставили все как есть.

Фелтра улыбнулся.

– Забавно...

Но делла Ровере продолжал хмуриться.

– Попомни мои слова, Гвидо Фелтра. В нем живет дьявол, в этом сыне церкви.

К этому моменту Джулиано делла Ровере был заклятым врагом Борджа. Его злили не только проигранная борьба за папский престол, но и число сторонников Борджа, которых возвел в сан кардинала Папа Александр. Однако об отказе от посещения церемонии не могло быть и речи. Хотя делла Ровере очень надеялся, что в будущем ему удастся отплатить Борджа за все.

* * *

Папа Александр VI стоял у алтаря, высокий, широкоплечий, завораживающий взгляды. Белоснежность его одеяний подчеркивалась ало-золотой епитрахилью. В этот момент глаза его сияли гордостью и уверенностью. Здесь он правил, единственный и непогрешимый, из этого массивного дома Бога, сотни лет тому назад возведенного над могилой святого Петра.

Мощный орган торжествующе играл *Te Deum*, гимн хвалы Господу. Александр выступил вперед, обеими руками высоко поднял красную кардинальскую шляпу и с благословением надел ее на голову сына, стоявшего перед ним на коленях.

Уже кардинал, Чезаре Борджа поднялся, и двое его пожилых коллег окутали сиреновой сутаной его широкие плечи. А потом встал рядом с Папой. Двое мужчин, бок о бок, взирали на собравшихся.

Красота и мощь Чезаре производили впечатление. Он превосходил ростом своего дородного отца, темно-карие глаза лучились умом. По толпе прошелестел восторженный шепот.

Но в последнем ряду, в одиночестве, сидел очень толстый мужчина, одетый в белое и серебряное: Гаспаре Малатеста, Лев Римини. Малатеста давно точил зуб на этого испанского Папу. Из-за мальчика, которого нашли у ворот его города, убитого и привязанного к ослу. Ему ли бояться Папы и его угроз? Да нет же. Ему ли бояться гнева Божьего? Никогда. Лев Римини не верил в Бога. Александр же был человеком... а люди могли умереть. Лев подумал, а не налить ли чернила в чаши со святой водой, как он как-то сделал на Великий пост, чтобы кардинал и его гости перепачкали свои наряды и спустились с небес на землю. Мысль эта ему понравилась, но сейчас его занимали более важные дела. С улыбкой он откинулся на спинку скамьи.

Позади него, скрытый в тени, следя за каждым его движением, стоял дон Мичелотто. И когда базилику заполнили последние аккорды *Te Deum*, невысокий крепыш, никем не замеченный, проскользнул в темное пространство за спиной Гаспаре Малатесты. А потом ловким движением затянул гарроту на толстой шее.

Лев Римини раскрыл рот, жадно хватая воздух. Пытался сопротивляться, но его мышцы лишились притока крови и кислорода. Перед смертью он лишь успел услышать слова, которые шепнули ему на ухо: «Это тебе весточка от Святейшего Папы». И убийца исчез так же быстро, как и появился.

Чезаре Борджа следом за отцом шел по центральному проходу. За ними – его мать Ваночца, сестра Лукреция и братья, Хуан и Хофре. Потом – остальные родственники. Все молча прошли мимо последнего ряда, где на скамье со спинкой сидел Гаспаре Малатеста, уронив подбородок на грудь, словно спал.

Наконец несколько женщин остановились и, посмеиваясь, начали показывать на него пальцем. Жена брата Гаспаре пришла в ужас, подумав, что тот решил таким способом выразить свое презрение к Борджа, и коснулась рукой, чтобы разбудить. Но Гаспаре, вместо того чтобы вскинуть голову, повалился под скамью. Его невидящие глаза уставились в потолок. Женщина закричала.

Глава 4

Жажда мести превратилась у кардинала Джулиано делла Ровере в навязчивую идею. Часто он просыпался в холодном поту, дрожа всем телом, потому что Александр не покидал его и во сне. Даже по утрам, когда делла Ровере молился под мраморными статуями милосердных святых и великолепными портретами христианских мучеников, он не переставал думать о том, как уничтожить ненавистного Папу.

Поражение на выборах, конечно, сыграло свою роль, но не оно являлось побуждающей причиной столь сильного чувства. Делла Ровере истово верил, что Александр – аморальная личность.

Обаяние и харизма Папы очаровывали тех, кто находился рядом с ним, и они не пытались перечить ему, когда он назначал своих детей на высокие церковные посты. Многие кардиналы и большинство королей, не говоря уже о жителях Рима, прощали ему все экстравагантности, наслаждаясь гигантскими процессиями, балами, банкетами, спектаклями, празднествами, на которые тратились большие деньги. А ведь они могли пойти на защиту Папской области и обеспечение продвижения армии церкви на новые территории.

Если Александр любил и умел повеселиться, то делла Ровере, не терпящий возражений, агрессивный, чувствовал себя счастливым только на охоте или войне. Он постоянно работал и совершенно не умел отдыхать. Должно быть, поэтому он и полагал себя добродетельным человеком. Он ни к кому не питал теплых чувств, даже к трем своим дочерям. И за всю свою жизнь лишь однажды по-настоящему влюблялся.

Кардинал делла Ровере всегда держался с большим достоинством, и это, наверное, нравилось бы людям, если б не фанатический блеск его глаз. Лицо его, словно высеченное из камня, смягчал разве что подбородок с ямочкой. Улыбался он редко, показывая мелкие, ровные зубы. То было лицо, символизирующее Средние века, живой портрет Судного дня. И крепкое тело демонстрировало скорее не силу, а нестигаемость. Никто не ставил под сомнение храбрость и ум делла Ровере. А вот за грубость и оскорбительный тон его не любили, отдавая предпочтение добродушному и обходительному Александру. Однако не следовало недооценивать силы этого страшного врага.

На встречах с французским королем Карлом, королем Неаполя Ферранте, да и с другими делла Ровере постоянно обвинял Александра в симонии – покупке папского престола. Говорил, что Борджа – жулик, взяточник, бабник, обжора, жаден, всюду проталкивает родственников, короче, негодяй. К слову сказать, он сам совершал многое из того, что ставил в вину Александру, но сие нисколько не меняло его отношения к новому Папе.

Некоторые из его обвинений соответствовали действительности. Сразу после выборов Александр передал стратегически важные замки кардиналам, которые поддержали его. Асканьо Сфорца стал вице-канцлером, потому что именно он помог укрепить позиции Борджа перед последним туром голосования. Ему также достался замок, церкви и несколько феодалов. Ходили слухи, что темной ночью перед началом голосования два осла, тяжело нагруженных мешками с серебром, проследовали от дворца кардинала Родриго Борджа ко дворцу кардинала Асканьо Сфорца. Голос кардинала Антонио Орсини обошелся в два города, приносящих тысячи дукатов, не остались без лакомых кусков и другие кардиналы. Джулиано делла Ровере получил пост папского легата в Авиньоне, большую крепость Остию и порттовый город Сенигалью на Адриатическом побережье, замок и разные должности, в том числе каноника Флоренции.

Конечно, Александр не первым ввел практику раздачи территорий и должностей. Папы с давних пор одаривали своих сторонников. Что может быть нелогичного в вознаграждении тех, кто отдал за тебя свой голос? Скорее, Александр подтверждал свою репутацию щедрого

человека, поскольку вознаградил и делла Ровере, хотя точно знал, что тот голосовал за самого себя.

И обвинение в симонии не имело под собой почвы. Кардинал делла Ровере происходил из более богатой семьи и имел куда более обширные связи, чем Родриго Борджа. Если бы папский престол покупался и щедрые дары могли обеспечить победу на выборах, делла Ровере без труда перещеголял бы Борджа и склонил чашу весов в свою пользу.

В общем, ненависть делла Ровере к Александру перевесила здравый смысл и политическое чутье: сам Джулиано и кардиналы-диссиденты решили обратиться к королю с просьбой собрать Великий совет.

Много лет тому назад Великий совет мог давать указания Папам и даже смещать их с престола. Включал он кардиналов, епископов и светских лидеров. Это благородное собрание в свое время использовалось для того, чтобы ограничить абсолютную власть Папы. Но тридцать лет тому назад Папа Пий II разогнал Совет, и с тех пор он больше ни разу не собирался.

Однако лицемерие того, как новый Папа возводит своего сына Чезаре в кардиналы, настолько разъярило делла Ровере, что он и его союзники попытались оживить Великий совет и использовать его для свержения Александра.

Вскоре после церемонии, на которой Чезаре стал кардиналом, делла Ровере покинул Рим и удалился в Остию, чтобы оттуда начать атаку на Александра. По завершении ее подготовки он собирался уехать во Францию и просить защиты у короля Карла.

* * *

Папа Александр VI, определившись с сыновьями, понял, что пора определять место дочери в своем грандиозном плане. Он тщательно обдумал все, что предстояло сделать. Лукреция была еще мала, тринадцать лет, но больше ждать он не мог. Следовало незамедлительно обручить ее с Джованни Сфорца, герцогом Пезаро. Будучи кардиналом, он уже обещал отдать Лукрецию в жены двум испанцам. Но сейчас его политический статус изменился, он стал Папой и ему требовался прочный союз с Миланом. От его прежних обещаний пришлось отказываться, но Александр принял все меры, чтобы у испанцев не осталось чувства обиды.

В планах, связанных с бракосочетанием детей, Лукреция играла главную роль. И двадцатилетний Джованни, только что овдовевший, представлялся лучшим женихом, поскольку дядя Джованни, Мавр, был самым влиятельным человеком в Милане. Следовало сдружиться с ним до того, как он согласился бы на союз с королями Испании или Франции.

Александр чувствовал, если ему не удастся объединить большую часть городов-государств в единую Италию, управляемую законами Святого престола, варвары-турки наверняка их покорят. Они при первой возможности двинулись бы на римские территории. Сколько душ будет при этом потеряно, не говоря уже о церковных доходах! Но самое главное, если бы он не смог защитить Рим от вторжения, если бы ему не удалось использовать дарованную Папе власть на укрепление святой матери-церкви, другой кардинал, без сомнения, Джулиано делла Ровере, занял бы его место и вся семья подверглась бы чудовищной опасности. Многим наверняка грозило бы обвинение в ереси, а после пыток – казнь. Богатства, накопленные за много лет, достались бы другим людям. «Чтобы не допустить такого кошмара, – думал Александр, – моей дочери придется пойти на жертвы».

Он провел бессонную ночь, вышагивая взад-вперед по своим апартаментам, преклоняя колени перед алтарем, молясь о наставлениях свыше, всесторонне обдумывая свой план, а утром вызвал детей: Чезаре, Хуана и Лукрецию. Хофре был еще слишком мал и не отличался умом. Столь сложные проблемы только сбили бы его с толку.

Будь в апартаментах посторонние, Лукреция поклонилась бы отцу, поцеловала перстень, опустила на колени, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Но в присутствии одних лишь

братьев она подбежала к отцу, обняла за шею, нежно поцеловала. Эта девочка знала, как растопить сердце Папы.

Но сегодня, вместо того чтобы прижать к себе, Папа Александр оттолкнул дочь и поставил перед собой на расстоянии вытянутой руки.

– Что случилось, папа? – в голосе Лукреции звучало изумление. На глаза навернулись слезы: она подумала, что чем-то прогневала отца. В тринадцать лет она уже превратилась в красавицу, высокого роста, с белоснежной кожей, очаровательным, словно с полотен Рафаэля лицом. Светлые глаза лучились умом, при ходьбе бедра грациозно покачивались. Для Александра Лукреция всегда была светом в окошке. В ее присутствии мысли о стратегических замыслах как-то не шли в голову.

– Папа, что случилось? – нетерпеливо повторила Лукреция. – Чем я не угодила тебе?

– Ты вскорости должна выйти замуж, – прямо ответил он.

– О, папа, – Лукреция упала на колени. – Я еще не готова покинуть тебя. Я лучше умру.

Александр поднял дочь с колен, прижал-таки к себе, погладил по волосам, утешая плачущего ребенка.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, – зашептал он. – Лукреция, мне необходим этот союз, но сие не означает, что тебе придется сразу уехать. А теперь вытри слезки и позволь все объяснить.

Она села у его ног на расшитую золотом подушку и все внимательно выслушала.

– Миланская семья Сфорца очень влиятельная, а племянник Мавра, молодой Джованни, только что потерял жену. Он согласен на брачный союз. Ты знаешь, я хочу лучшего для всех нас. И ты достаточно взрослая, чтобы понимать, что без союза с самыми могущественными семьями Италии Папой я пробуду недолго. Тогда мы все будем в опасности, а вот этого я допустить не могу.

Александр замолчал, начал прохаживаться по просторной комнате, гадая, как наиболее деликатно перейти к следующему этапу намеченного им плана.

Наконец остановился перед дочерью.

– Ты знаешь, что женщины делают в постели с мужчинами? Кто-нибудь тебе объяснял?

– Нет, папа, – ответила Лукреция и впервые порочно улыбнулась ему: она не один раз видела, что так улыбаются куртизанки...

Александр в удивлении покачал головой. Дочь у него просто клад. Такая же эмоциональная, как мать, и умна не по годам.

Он подозвал сыновей, Чезаре и Хуана. Они подошли, опустили на колени, в знак уважения склонили головы.

– Встаньте, дети мои, – приказал им отец. – Мы должны поговорить. Необходимо принять важные решения, ибо наше будущее может зависеть от того, как закончится наша беседа.

Чезаре отличали ум и умение видеть и решать проблему в комплексе, но ему не доставало легкости и беззаботности, свойственной Лукреции. С детства он стремился во всем быть первым, достигая цели всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Хуан, с другой стороны, очень уж остро чувствовал собственные обиды, оставаясь совершенно безразличным к обидам других. Жестокий по натуре, он большую часть времени кривил губы в сардонической усмешке. Природа обделила его не только веселостью сестры, но и харизмой брата. Однако Александр очень любил его, ощущая в нем уязвимость, которая отсутствовала у Чезаре и Лукреции.

– Папа, зачем ты нас позвал? – Чезаре смотрел в окно. Бьющая через край энергия распирала его. День выдался прекрасным, ему хотелось провести его в городе. – В полдень на площади большой карнавал, который нам...

Александр направился к своему любимому креслу, которое стояло в углу.

– Сядьте, дети мои.

Все трое опустили на большие шелковые подушки. Он улыбнулся, обвел их рукой.

– Мы – самая великая семья в христианском мире. Нас ждут подвиги, которые мы совершим во славу святой римской католической церкви. Мы спасем много душ и будем жить очень неплохо, выполняя Божью волю. Но каждый из нас знает, что все это требует жертв. Как нам известно из жизни многих святых... великие деяния требуют великих жертв, – он осенил себя знаком креста.

Посмотрел на Лукрецию, которая сидела у его ног, привалившись к плечу брата Чезаре. Рядом с ними, но отдельно, расположился Хуан, полируя новый кинжал, который ему недавно подарили.

– Чезаре, Хуан? Я полагаю, каждый из вас спал с женщиной?

Хуан нахмурился.

– Конечно, папа. Почему ты задаешь этот вопрос?

– Прежде чем принимать важное решение, необходимо иметь в своем распоряжении как можно больше соответствующей информации, – назидательно ответил Александр и повернулся к старшему сыну.

– Чезаре, а ты? Ты спал с женщиной?

– Со многими, – просто ответил Чезаре.

– Они оставались довольны? – спросил Александр обоих.

Хуан нетерпеливо дернул плечом.

– Откуда мне знать? – он хохотнул. – Об этом положено спрашивать?

Папа отвечать не стал, повернулся к старшему сыну.

– Чезаре, женщины, с которыми ты спал, оставались довольны?

Чезаре широко улыбнулся.

– Полагаю, что да, папа, потому что каждая просила о новой встрече.

Папа Александр искоса глянул на дочь, которая с живым интересом наблюдала за происходящим, вновь посмотрел на сыновей.

– Кто из вас согласится переспать с сестрой?

На лице Хуана читалась скука.

– Папа, я бы предпочел уйти в монастырь.

– Ты – глупый молодой человек, – отчитал его Александр, но улыбнулся.

А Лукреция уже хмурилась.

– Почему ты спрашиваешь моих братьев, а не меня? – пожелала знать она. – Если один из них должен переспать со мной, почему я не могу сделать выбор?

Чезаре успокаивающе погладил ее по руке.

– Папа, в чем причина? Почему ты требуешь этого от нас? Тебя не беспокоит, что за такой проступок наши души прямиком отправятся в ад?

Папа Александр поднялся, подошел к арочной двери, отделявшей одну комнату от другой, указал на расписанные панели.

– Разве учителя не рассказывали вам о великих египетских династиях, что женили братьев на сестрах, чтобы сохранить чистоту крови? Вы ничего не знаете о юной Исиде, которая вышла замуж за своего брата, короля Осириса, старшего сына Геба и Нут? У Исиды и Осириса родился сын, Гор, и вместе они стали великой Троицей, той, что предшествовала христианской Троице Отца, Сына и Святого Духа. Они помогали людям не поддаваться на соблазны дьявола и гарантировали добрым душам возрождение к вечной жизни, – тут он улыбнулся Лукреции. – Египтяне создали одну из наиболее развитых в истории человечества цивилизаций, и мы должны брать с них пример.

– Не думаю, что это единственная причина, – заметил Чезаре. – Они – язычники, и боги у них языческие. Ты нам чего-то недоговариваешь.

Александр подошел к Лукреции, погладил ее по длинным белокурым волосам и почувствовал укол совести. Он не мог назвать им главную причину. А заключалась она в том, что он

понимал сердце женщины. Знал, что первый мужчина получает от женщины не одну ее девственность, но и любовь и верность. Отдаваясь первый раз, она предлагает не только себя, но и ключи от сердца и души. Решив выдать дочь замуж, Александр не хотел, чтобы незнакомец получил самое лакомое. Обойдется.

– Мы – семья, – втолковывал он своим детям. – И верность семье должна быть превыше всего и всех. Мы должны учиться друг у друга, защищать друг друга, держаться друг друга. Если мы будем следовать этим простым правилам, то никогда не исчезнем... если верность даст слабину – мы обречены, – вновь Папа повернулся к Лукреции. – И ты права, дитя мое. Выбор, конечно же, за тобой. Ты не можешь выбрать себе мужа, но твое право решать, кто станет твоим первым мужчиной.

Лукреция посмотрела на Хуана и игриво склонила голову на плечо.

– Я бы предпочла уйти в монастырь, чем лечь в постель с Хуаном, – она повернулась к Чезаре. – Ты должен обещать, что будешь нежным, ибо это любовь, а не война, мой дорогой брат.

Чезаре улыбнулся, шутливо поклонился.

– Даю тебе в этом слово. И ты, сестра, сможешь научить меня любви и верности лучше, чем кто-либо другой, что только пойдет мне на пользу.

– Папа? – ее глаза широко раскрылись. — Ты будешь при этом присутствовать, чтобы все прошло хорошо? Без тебя мне не хватит смелости. Я слышала разные истории от Джулии и моих слуганок.

Александр смотрел на нее.

– Я буду при этом. Как и в ту ночь, когда ты ляжешь в постель с законным мужем. Брачный контракт не имеет силы, если он не засвидетельствован.

– Спасибо, папа, – она бросилась к отцу, обняла его. – А подарки будут? Я бы хотела новое платье и рубиновое колечко.

– Разумеется, – кивнул он. – Ты получишь два...

* * *

На следующей неделе Александр восседал на троне, одетый в белый атлас. Но тяжелую тиару заменяла маленькая шапочка. Трон стоял на возвышении, напротив кровати у стены, завешенной дивной красоты гобеленом. Слуги получили приказ уйти и не появляться без вызова. Так что Александр остался наедине с Чезаре и Лукрецией.

Он наблюдал, как раздеваются его сын и дочь. Лукреция хохотнула, когда ее брат Чезаре предстал перед ней в чем мать родила.

Чезаре взглянул на нее и улыбнулся. Александр отметил искреннюю нежность, которой светилось лицо его сына, когда тот смотрел на свою сестру. Всегда и везде он демонстрировал свойственную ему агрессивность, никому ничего не желал уступать, а вот с ней... даже сейчас, становился таким смирным.

А Лукреция... та просто сокровище. Писаная красавица, а белокурые волосы мягче любого шелка. И глаза блестели так ярко, словно таили какой-то секрет. Папа даже задался вопросом, а с чего они так сверкают. И фигурка идеальная, пусть еще по-детски тонкая, только начавшие наливать груди, гладкая, чистая кожа. До чего, должно быть, приятно держать ее в объятиях, как же повезет мужчине, которому она достанется!

И его сын, Чезаре. Ни один олимпийский бог не мог похвастаться такой идеальной фигурой. Высокий, мускулистый. Просто образец для подражания. И сила не являлась его единственным достоинством. С ней рука об руку шел ум, и на пару они могли наиболее эффективно служить его безудержному честолюбию. Но в тот момент Чезаре смотрел на сестру, и лицо его заметно смягчилось.

– Я прекрасна? – спросила Креция брата, а когда он кивнул, повернулась к отцу. – Да, папа? Ты думаешь, я не хуже других молодых женщин, которых тебе довелось видеть?

Папа кивнул, на его губах играла легкая улыбка.

– Ты прекрасна, дитя мое. Одно из лучших созданий Господа, – он медленно поднял руку и благословил их знаком креста. А потом предложил начать.

Сердце Александра переполняли радость и благодарность этим детям, которых он так горячо любил. Он подумал о том, что Бог-Отец, должно быть, испытывал те же чувства, когда наблюдал за Адамом и Евой в саду. Мысль эта заинтриговала его. Не та ли это *hubris*⁵, которой грешили многие языческие герои, и Александр быстро перекрестился, испрашивая у Господа прощения. Но они выглядели такими невинными, его дети, их лица светились от любопытства и удовольствия, они словно чувствовали, что попали в рай, в первый и в последний раз. И не в этом ли главная цель существования мужчины и женщины? Почувствовать радость Божью? Религия уже принесла немало страданий. Может, это единственный способ чтить Создателя? Мир человеческий полон предательства. Только здесь, во дворце своего отца, на святом престоле его дети могут ощущать себя в полной безопасности, точно знать, что они под надежной защитой. И его долг – обеспечить им эти безопасность и защиту. То наслаждение, которое они ощутят сейчас, позволит им справиться с трудностями, которые наверняка встретятся на жизненном пути.

Большую пуховую перину покрывали шелковые простыни. Лукреция радостно рассмеялась, улегшись на них. Чезаре, его детородный орган уже стоял колом, напрыгнул на сестру, испугав ее.

– Пап, Чезаре причиняет мне боль...

Александр поднялся.

– Чезаре, так ты научился только набрасываться на женщин? Жаль. Вина за это на мне, потому что кто, кроме меня, мог научить тебя получать райское наслаждение на земле?

Чезаре встал рядом с кроватью, его глаза ярко блестели. Сестра отвергла его, отец – упрекнул, но он был молод и горяч, да и желание никуда не делось.

Александр подошел к кровати, и Чезаре пришлось чуть отступить.

– Иди сюда. Креция, пододвинься к нам.

Она подчинилась. Он же, взявшись за руку сына, начал поглаживать ею тело дочери, медленно, ласково. Сначала по лицу, потом по шее, маленьким грудкам.

– Не надо торопиться, сын мой. Насладись красотой. Нет в мире ничего более удивительного, чем тело красавицы, запах женщины, которая отдается тебе... с желанием. Но если ты очень уж спешишь, ты лишаешь себя удовольствия, пугаешь бедных крошек...

Лукреция лежала, не шевелясь, полузакрыв глаза, ее дыхание учащалось, она чувствовала, как вибрирует ее тело под руками брата. Когда они добрались до живота и двинулись ниже, девочка раскрыла глаза и хотела что-то сказать, но волны удовольствия, прокатывающиеся по телу, заглушили голос, потрясли ее до глубины души.

– Папа? – прошептала она. – Не грех ли испытывать такое наслаждение? Я не отправлюсь в ад, нет?

– Разве папа может подставить под удар твою бессмертную душу? – спросил он.

Папа Александр, который все водил рукой Чезаре, находился совсем рядом с Лукрецией, ощущал на лице ее теплое дыхание и испугался той реакции, которую дало его тело. Резко отпустил руку Чезаре, просипел: «А теперь возьми ее, но возьми медленно. Мягко. Будь любовником, будь мужчиной, чти ее... но возьми».

Потрясенный, он быстро повернулся и направился к трону. Но когда услышал, как застонала дочь, потом снова и снова, уже от удовольствия, вновь не на шутку испугался за себя.

⁵ Гордость, высокомерие (*греч.*).

Сердце гулко стучало, голова шла кругом. Никогда раньше он не испытывал такого возбуждения, такого прилива желания, и в этот момент он все понял. Да, Чезаре мог уберечь свою душу, но вот он, Папа, только что увидел змея в раю. Его искушали. И в голове пульсировала мысль о том, что душа его будет обречена на вечные муки, если он еще раз коснется своей дочери. Ибо наслаждение, которое он испытывал, шло от дьявола, и тот, кто поддался бы на него, отправился бы в ад.

Он взмолился Отцу, Сыну и Святому Духу, истово просил помочь справиться с искушением.

– Уберегите меня от зла, – шептали его губы, когда он смотрел на своих лежащих на кровати детей, обнаженных, насытившихся друг другом.

– Дети, – голос его звучал едва слышно. – Оденьтесь и подойдите ко мне...

Когда они опустились перед ним на колени, Лукреция посмотрела на отца полными слез благодарности глазами.

– Спасибо тебе, папа. Если бы не твои слова, не знаю, как бы я приняла моего первого мужчину. Я боялась, но при этом испытала такое наслаждение, – она повернулась к брату. – Чезаре, брат мой. Я благодарю и тебя. И, наверное, никого не смогу полюбить так, как люблю сейчас тебя.

Чезаре улыбнулся, но промолчал.

Папа Александр смотрел на своих детей и выражение глаз Чезаре насторожило его. Он не подумал о том, чтобы предупредить сына об одной опасности любви: истинная любовь дает силу женщине и подставляет мужчину под удар. И теперь Александр видел, что хотя этот день может стать самым счастливым для его дочери и укрепит династию, сыну он может принести беду.

Глава 5

Прибытие будущего мужа Лукреции, Джованни Сфорца, герцога Пезаро, Папа Александр распорядился обставить очень торжественно. Он знал, что дядя Джованни, Мавр, расценит такой прием как знак доброй воли, доказательство искренности желания Александра заключить союз с Миланом.

Но Александр руководствовался не только этой причиной. Он понимал сердца и души своих подданных и знал, что они обожают пышные зрелища. Последние убеждали простых смертных в его благоволении к ним, так же как и в благоволении Господа, и вносили необходимое разнообразие в скуку обыденной жизни. Любой повод для празднования приносил городу новую надежду и зачастую удерживал наиболее отчаявшихся от того, чтобы убивать себе подобных по малейшему поводу.

Папа знал, что жизнь многих и многих напрочь лишена удовольствий, и считал себя обязанным даровать им хоть маленький глоток счастья. Ибо как еще он мог добиться от них поддержки своей власти? Если раз за разом возвращать семена зависти в сердцах людей, вынужденных наблюдать удовольствия менее достойных, но более удачливых, как можно требовать от них верности? Удовольствием надобно делиться, это единственный способ удержать в узде отчаяние бедняков.

День выдался теплый, солнечный, наполненный ароматом роз. Чезаре, Хуан и Хофре на лошадях подъехали к каменным воротам Рима, чтобы встретить там герцога Пезаро. Их сопровождал римский сенат, а также официальные послы Флоренции, Неаполя, Венеции и Милана и представители Франции и Испании.

От ворот процессии с гостем во главе предстояло проследовать мимо дворца Асканьо Сфорца, вице-канцлера, где молодой герцог должен был провести оставшиеся до свадьбы дни, к Ватикану. Александр распорядился включить в маршрут улицу, на которой находился дворец Лукреции, чтобы та смогла увидеть будущего мужа. Хотя отец и пытался развеять ее страхи, убеждая девочку, что после свадьбы она по-прежнему будет жить в своем дворце с Джулией и Адрианой и поедет в Пезаро только через год, Лукреция явно расстроилась. А печаль дочери всегда мешала Александру обрести душевный покой.

Приготовления к процессии заняли много недель, но к приезду Джованни Сфорца все стояли на своих местах. Шуты в ярком зеленом и желтом бархате, жонглеры, подбрасывающие в воздух раскрашенные палки и шары из папье-маше, музыканты из всех сил старались веселить граждан Рима, заполнивших улицы, чтобы увидеть этого герцога Пезаро, которому предстояло стать мужем юной дочери Папы...

Тем утром Чезаре проснулся в отвратительном настроении с жуткой головной болью. Попытался отвертеться от участия во встрече будущего зятя, полагая, что обязанность эта не из приятных, но его отец ничего не хотел слышать.

– Ты – представитель Святого престола, и причинами для твоего отсутствия могут быть только чума или малярия, – сурово указал ему Папа и вышел из комнаты сына.

Чезаре, возможно, и остался бы при своем мнении, если бы не Лукреция. Она прибежала к нему по тоннелю из своего дворца, как только услышала, что он заболел. Села на кровать, погладила по голове, потом спросила: «Чез, кто, как не ты, сможет сказать мне правду о человеке, за которого мне предстоит выйти замуж? Кому еще я могу доверять?»

– Креция, какая разница? – ответил он вопросом. – Тебя уже обещали ему в жены, и с этим я ничего не могу поделать.

Лукреция улыбнулась брату, пальчиками взъерошила ему волосы. Наклонилась, нежно поцеловала в губы и улыбнулась.

– Неужели тебе так трудно сделать это для меня? Я ненавижу саму мысль о том, что в мою постель ляжет другой мужчина. Я буду плакать и закрывать глаза и пусть не смогу выгнать его из кровати, целовать его откажусь. Клянусь тебе, брат мой, откажусь.

Чезаре глубоко вздохнул и согласился выполнить желание сестры.

– Я очень надеюсь, что он не чудовище, – только и сказал он. – Иначе мне придется убить его до того, как он прикоснется к тебе.

Лукреция рассмеялась.

– Мы с тобой развяжем священную войну. – Реакция Чезаре ей понравилась. – Папе прибавится дел. Ему придется задабривать Милан, который очень обидит смерть Джованни от твоей руки, и пытаться заключить союз с Неаполем. Мавр может захватить тебя и бросить в подземелье. Папа поведет свою армию, чтобы освободить тебя, а тут и Венеция попытается отхватить у нас кусок территории. Лучшие художники Флоренции будут рисовать наши портреты, выставляя нас в самом неприглядном виде, а их пророки – обещать нам вечное проклятие, – она так хохотала, что повалилась на кровать.

Чезаре нравилось слышать смех сестры. Смех этот заставлял его забыть обо всем на свете, даже успокаивал злость, которую он испытывал к отцу. Да и головная боль поутихла. В общем, он согласился встречать «дорогого» гостя...

* * *

Как только Лукреция услышала музыку и поняла, что процессия приближается к ее дворцу, она взбежала на третий этаж и выскочила на балкон, нависающий над улицей. Джулия Фарнезе, уже два года любовница Папы, в этот день одела ее в темно-зеленое атласное платье с кремовыми рукавами и украшенным драгоценными камнями лифом. Белокурые волосы забрала в пучок, оставив лишь несколько прядок, свисающих вдоль щеки, чтобы подчеркнуть красоту шеи.

Джулия уже не один месяц пыталась объяснить Лукреции, что будет ожидать ее в первую брачную ночь, Лукреция если и слушала, то вполуха. Когда же Джулия начинала рассказывать о том, как должно ублажать мужчину, перед мысленным взором Лукреции возникал Чезаре. И хотя она никому не говорила ни слова, ее любовь к нему крепла с каждым днем.

Выйдя на балкон, Лукреция удивилась тому, что у дворца собралась целая толпа. Александр позаботился об охране, но солдаты не смогли защитить ее от лепестков цветов, которыми римляне забросали и ее, и большой балкон. Лукреция улыбалась и махала всем рукой.

Она посмеялась ужимкам шута, похлопала музыкантам, а потом увидела их.

Первым своего брата Чезаре, на белом жеребце, красивого и благородного, с прямой спиной, серьезным лицом. Он поднял голову, увидел Лукрецию и улыбнулся. Хуан не удостоил ее и взгляда. То и дело наклонялся, чтобы взять цветы у подбегавших к нему женщин. Младший брат, Хофре, приветствовал ее радостной, пусть и пустой улыбкой.

Следом ехал он, Джованни Сфорца. Длинные черные волосы, ухоженная борода, классический нос, широкие плечи, но вот роста природа ему явно недодала. Жених ей определенно не понравился, но, когда он посмотрел на балкон, сдержал лошадь и отсалютовал ей, Лукреция, как ее и учили, поклонилась ему.

До свадьбы оставалось три дня, и теперь, когда процессия проследовала дальше, ей не терпелось услышать, что скажут Адриана и Джулия о ее суженом. И хотя Адриана успокаивала ее и говорила, что все будет хорошо, Креция знала, что правду сможет узнать только от Джулии.

– Что ты думаешь? – спросила ее Лукреция. – Он – чудовище?

Джулия рассмеялась.

– Я думаю, что он симпатичный, хотя и крупный мужчина... может, слишком крупный для тебя, – поддела ее Джулия, и Лукреция точно знала, что та имела в виду. А потом Джулия

обняла ее. – Он очень даже ничего. И потом, ты должна выйти замуж ради Святейшего Папы и ради Господа. С обычной жизнью это никак не связано.

* * *

Как только Александр вселился в папский дворец, он превратил несколько пустовавших ранее комнат в знаменитые покои Борджа. Стены его личной приемной, *Sala dei Misteri*⁶, расписал фресками его любимый художник, Пинтуриккьо.

На одной из фресок, изображающей Вознесение, он нарисовал и Александра среди тех избранных, кому выпала честь лицезреть, как Христос поднимается к небесам. Одев Александра в темный плащ, художник положил у его ног золотую тиару. Взор свой Александр обратил к небесам, словно благословляя возносящегося Христа.

На других фресках не вызвала сомнений схожесть с Борджа лиц давно умерших святых, мучеников и прочих религиозных фигур. Лукреция, невероятно красивая, стала светловолосой святой Катериной. Чезаре, как римский император, восседал на золотом троне. Хуан стал восточным монархом, Хофре – невинным херувимом. На всех фресках нашлось место красному быку, символу семьи Борджа.

На двери второй комнаты Пинтуриккьо изобразил Мадонну во всей ее красе. Из всех святых Александр более всего чтит Марию, и художник в качестве модели выбрал Джулию Фарнезе, тем самым одной картиной доставив Александру двойное удовольствие.

Был еще во дворце и зал Веры, площадью в тысячу квадратных ярдов. Фресками художник разрисовал и купольный потолок. Все апостолы получили по отдельной фреске, каждый читал святое писание внимательно слушающим пророкам, чтобы потом те несли людям откровения Христа. Пророкам художник дал лица Александра, Чезаре, Хуана и Хофре.

Стены комнат украшали роскошные гобелены. В зале Веры стоял папский трон, на котором восседал Александр, принимая важных персон. У трона стояли золоченые скамеечки, на которые гости преклоняли колени, чтобы поцеловать перстень, и диваны, куда они могли присесть, если аудиенция затягивалась. Тут обсуждались будущие Крестовые походы и принимались решения, кто и как будет править городами Италии.

В эти покои и ввели Джованни Сфорца, герцога Пезаро. Он наклонился, чтобы поцеловать святую ногу, затем священный папский перстень. Роскошь Ватикана произвела на него неизгладимое впечатление, как и богатства, которые ему предстояло получить. Юная невеста приносила с собой тридцать тысяч дукатов, этой суммы хватало на то, чтобы перестроить дворец в Пезаро и позволить себе многое из того, на что раньше не хватало денег.

Папа Александр представил Джованни братьев его новой жены. Из двух старших Хуан понравился ему куда больше, чем Чезаре. Хофре был слишком мал, чтобы обращать на него внимание. Чезаре не отличался особой приветливостью, а вот Хуан пообещал герцогу, что до свадьбы они успеют отлично провести время в городе, и Джованни подумал, что все не так плохо, как ему поначалу представлялось. Но при любых обстоятельствах он никогда не стал бы спорить со своим дядей, Мавром. Раскрой он рот, Милан вернул бы себе Пезаро и он потерял бы герцогство столь же быстро, как и получил.

Во второй половине дня, когда все собирались в Ватикан к началу торжеств, Чезаре быстро исчез. Покинул дворец на лошади и умчался за город. Он провел со Сфорца совсем ничего, но уже ненавидел этого мерзавца. Болтун, хвастун, одним словом, говнюк. Глупее Хофре, если такое только возможно, и наглее Хуана. Зачем его очаровательной сестре такой муж? И что он мог сказать ей при следующей встрече?

⁶ *Sala dei Misteri* – зал Таинств (*итал.*).

* * *

Если будущий зять встретил у Чезаре полное неприятие, то Хуана, наоборот, потянуло к нему. При дворе друзей у него было немного, а постоянный спутник и вовсе один – турецкий принц Джем, которого Папа держал в заложниках по требованию его брата, правящего султана.

Султан Баязид заключил соглашение с Папой Иннокентием, когда очень боялся, что новый Крестовый поход готовился с одной только целью: отдать турецкий престол его брату Джем. В обмен на согласие держать Джема заложником в Риме Папа ежегодно получал сорок тысяч дукатов. После смерти Иннокентия Папа Александр согласился выполнять ранее заключенное соглашение, а Джема принимал во дворце как почетного гостя. А почему, собственно, не наполнять казну святой римской католической церкви деньгами неверных?

Тридцатилетний Джем, очень смуглый, с точки зрения римлян, мрачноватый, отрастил длинные усы и ходил по Ватикану в тюрбане и восточных одеждах. Вскоре Хуан начал одеваться точно так же, разумеется, за исключением официальных приемов. И хотя Джем был чуть ли не вдвое старше Хуана, они начали везде появляться вместе, и Джем приобрел значительное влияние на избалованного сына Папы. Александр терпел их дружбу не только из-за денег, которые приносило казне пребывание Джема в Риме, но и потому, что в компании принца Хуан хоть иногда, да улыбался. Чезаре Джема терпеть не мог.

Вечером перед свадьбой Хуан пригласил Джованни Сфорца проехаться с ним и Джемом по Риму, заглянуть в местные таверны, наведаться к проституткам. Джованни согласился без промедления. Джем и герцог Пезаро сразу ладили, начали рассказывать друг другу интересные истории, не забывая при этом про еду и питье. Римляне старались держаться подальше от этой троицы, ни у кого не возникало и мысли пригласить их в лавку или дом.

Зато проститутки встретили их с распростертыми объятиями. Хуан частенько бывал у них, и многие даже спорили на деньги, кого он выберет на этот раз. Ходили слухи, что он – любовник Джема, но куртизанок, которые зарабатывали на жизнь, обслуживая аристократов, такие тонкости нисколько не интересовали. Главное, он приходил к ним и щедро расплачивался за полученное удовольствие.

Одну из девушек, пятнадцатилетнюю Авалону, с длинными черными волосами и густыми ресницами, Хуан выбирал особенно часто. Дочь хозяина одной из таверн, она просто влюбилась в Хуана. Но в тот вечер, когда трое молодых людей отправились кутить в город, Хуан предложил Авалону сначала будущему зятю, а потом Джем. Оба мужчины на глазах Хуана поднимались с ней вверх, но тот слишком много выпил, чтобы принимать во внимание ее чувства. Наконец, когда он пришел к ней в надежде на привычные теплоту и нежность, Авалона отвернулась и отказалась его поцеловать. Хуан пришел в ярость. Его отличало болезненное самолюбие, вот он и подумал, что будущий зять доставил ей больше удовольствия, чем он, а потому она и не хочет на него смотреть. Отвесил ей оплеуху, но она не пожелала с ним разговаривать. Хуан дулся всю дорогу домой. А вот Джованни Сфорца и Джем отлично провели вечер и даже не заметили обиды Хуана.

* * *

День свадьбы наступил быстро. Лукреция выглядела величественно в платье из красного бархата, отороченного мехом. Ее светлые волосы украшали рубины и бриллианты. Джулия Фарнезе надела простенькое платье из розового атласа, подчеркивающее белизну ее кожи. Адриана остановила свой выбор на темно-синем бархате. Расшитая золотом одежда Джованни Сфорца, ее брата Хуана и его приятеля Джема так сверкала золотом, что затмевала не только наряд невесты, но и одеяния Папы.

Александр предложил Хуану сопровождать невесту к алтарю, и она знала, что Чезаре разозлило это решение отца. Но Лукреция его одобрила, потому что понимала, что Чезаре, оказавшись он на месте Хуана, мог и сорвать бракосочетание. Теперь она задавалась вопросом, а появится ли он вообще, хотя прямой приказ Папы не оставлял ему выбора. Правда, она знала горячность Чезаре, знала, что он мог отказаться наотрез и ускакать из Рима. Но молила Бога, чтобы этого не случилось, потому что именно Чезаре хотела она увидеть, именно Чезаре любила больше других.

Церемония проходила в Большом зале Ватикана, несмотря на возражение многих кардиналов, считавших, что в священных залах люди должны появляться только во время церковных торжеств. Но Папа хотел, чтобы Лукреция вышла замуж в Ватикане, а его слово всегда оставалось последним.

На возвышении в передней части зала стоял трон Папы и двенадцать, по шесть с каждой стороны, кресел темно-красного бархата для двенадцати вновь избранных кардиналов. В личной часовне Папы, меньших размеров, но столь же роскошной, как и главная часовня святого Петра, Александр распорядился рядами поставить высокие золотые и серебряные подсвечники перед каждым из мраморных святых, висевших по обе стороны алтаря.

Епископ, одетый в развевающиеся церемониальные ризы, с серебряной митрой на голове, читал молитвы на латыни, благословляя жениха и невесту.

Курящиеся в этот день благовония казались особенно ароматными. Их привезли с Востока лишь несколькими днями раньше, подарок от брата Джема, турецкого султана Баязида II. Но Лукреции белый дым жег горло, ей приходилось сдерживать кашель. Иисус на громадном кресте казался Лукреции таким же зловещим, как и большой меч верности, который епископ держал над ее головой, когда молодая пара давала обеты.

Наконец она заметила Чезаре, который стоял у входа в часовню. А то уже начала волноваться, потому что его кресло у алтаря, где сидели остальные кардиналы, пустовало.

Прошедшую ночь Лукреция провела на коленях в молитвах Мадонне, молила о прощении после того, как проскользнула через тоннель в комнату своего брата Чезаре, чтобы вновь отдаться ему. Она спрашивала себя, почему ей так хорошо с ним, почему ее мутит от одной только мысли о другом? Она же совершенно не знала мужчину, которому предстояло стать ее мужем. Видела его лишь однажды, с балкона, а когда днем раньше они оказались в одной комнате, он не сказал ей ни слова, не подал виду, что знает о ее существовании.

И теперь, когда они, коленопреклоненные, стояли перед алтарем, она впервые услышала его голос: «Я возьму эту женщину в жены...» Неприятный голос, даже противный.

Как в трансе Лукреция согласилась чтить его, как своего мужа. Но ее взгляд и сердце были обращены к Чезаре, который, одетый в черное, уже стоял рядом с Хуаном. На нее он не посмотрел ни разу.

Потом, в одном из больших залов Ватикана, Sala Reale⁷, Лукреция Борджа во всем величии сидела за установленным на возвышении столом. Компанию ей составляли Джованни, Адриана, Джулия Фарнезе, которую она выбрала в свидетельницы, Баттестина, внучка усопшего Папы Иннокентия, другие подружки невесты, тогда как три ее брата сидели за другим столом. Многие гости устроились на подушках, сотнями лежащих на полу. По периметру стояли громадные столы, заваленные едой и сладостями, и, как только гости поели, середину зала освободили, чтобы актеры смогли сыграть спектакль. Потом их сменили танцоры и певцы.

Несколько раз Лукреция смотрела на своего мужа, но тот полностью ее игнорировал, набивая рот едой и наливаясь вином. В отвращении она отворачивалась.

⁷ Sala Reale – Зал реального мира (итал.).

В этот вроде бы знаменательный для нее день Лукреция, что случалось крайне редко, горько сожалела о том, что рядом с ней нет матери. Но после того, как Джулия стала любовницей Папы, Ваноще места во дворце не нашлось.

Вновь глянув на своего мужа, Лукреция подумала, а сможет ли она привыкнуть к этому вечно мрачному лицу. Мысль о том, что ей придется покинуть Рим, о жизни в Пезаро наполняла ее отчаянием. Радовало только обещание отца отложить отъезд на год.

В окружении смеха и веселья гостей Лукреция чувствовала себя невероятно одинокой. Есть ей не хотелось, но она сделала несколько глотков красного вина, которое налили в ее серебряную чашу, и оно ударило ей в голову. Она начала болтать со своими подружками, и постепенно настроение у нее заметно улучшилось. В конце концов, она на празднике и ей всего тринадцать.

В какой-то момент Папа Александр объявил, что обед будет подан в его личных покоях, где молодые получают приготовленные им подарки. Прежде чем покинуть Большой зал, он приказал слугам швырять оставшиеся сладости с балкона в толпу горожан, собравшуюся на площади, чтобы и они смогли разделить праздник с приглашенными на торжество.

* * *

Далеко за полночь Лукреция получила возможность поговорить с отцом. В одиночестве он сидел за столом, большинство гостей разошлись, только ее братья и несколько кардиналов остались в приемной.

Лукреция с опаской приблизилась к Папе, не хотела отрывать его от важных мыслей, но дело не терпело отлагательства. Опустилась на колени, склонила голову, ожидая разрешения заговорить.

Папа Александр улыбнулся, подбодрил ее.

– Смелее, дитя мое. Скажи папе, что у тебя на душе.

Лукреция подняла голову. Глаза блестели, но личико заметно побледнело от усталости: день выдался долгим.

– Папа, – едва слышно прошептала она, – Папа, должна я ложиться с Джованни в одну постель в эту самую ночь? Так уж необходимо, чтобы ты столь скоро засвидетельствовал вступление в силу брачного контракта?

Папа посмотрел в потолок. Он тоже думал об этой постели, гораздо больше, чем хотелось бы.

– Если не сейчас, то когда? – спросил он дочь.

– Через день-другой.

– С неприятными делами лучше всего покончить как можно быстрее, – улыбнулся он Лукреции. – И тогда ты будешь спокойно жить без этого меча над головой.

Лукреция тяжело вздохнула.

– Мой брат Чезаре должен при этом присутствовать?

Папа Александр нахмурился.

– Необходимости в этом нет. Если там буду я. Вообще для признания брачного контракта действующим необходимы трое любых свидетелей.

Лукреция кивнула.

– Я бы предпочла, чтобы его там не было, – в голосе звучала решительность.

– Если есть на то твое желание, так тому и быть, – ответил Папа Александр.

И Джованни, и Лукреция с неохотой вошли в опочивальню: он – потому что по-прежнему грустил по первой, умершей жене, она – потому что смущалась посторонних глаз и не хотела, чтобы к ней прикасался кто-либо, помимо Чезаре. Впрочем, она сильно напилась и уже мало

что соображала. Выйдя в приемную и увидев, что Чезаре там нет, Лукреция одну за другой осушила три чаши вина, чтобы придать себе мужества и сделать то, что от нее требовалось.

В опочивальне она и Джованни разделись с помощью слуг и скользнули под белые атласные простыни, стараясь не коснуться друг друга до прибытия свидетелей.

Вошел Папа, сел на обитое бархатом кресло, устался в большой гобелен с вытканым на нем сюжетом Крестового похода, начал молиться, перебирая в руке четки. Второе кресло занял кардинал Асканьо Сфорца, третье – брат Джулии, кардинал Фарнезе, которого с тех пор, как Александр возвел его в сан, звали не иначе как «юбочный кардинал».

Джованни Сфорца ни слова не сказал Лукреции, просто наклонился к ней, схватил за плечо, потянул на себя. Попытался поцеловать, но она отвернула голову и ткнулась лицом ему в шею. Пахло от него, как от вола. Под его руками по ее телу пробежала дрожь отвращения. На мгновение она испугалась, что ее сейчас вырвет. Оставалось только надеяться, что кому-то хватило ума поставить у кровати ночной горшок. Всесокрушающая грусть охватила ее, она едва не расплакалась. А когда он взгромоздился на нее, уже ничего не чувствовала. Закрывает глаза и усилием воли перенеслась далеко-далеко, в то место, где бегала в камышах и валялась на мягкой траве... в «Серебряное озеро», туда, где чувствовала себя свободной.

* * *

На следующее утро Лукреция поспешила навстречу Чезаре, который шел из дворца к конюшне. Сразу увидела, что тот расстроен. Попыталась успокоить его, но Чезаре не стал и слушать. В молчании она наблюдала, как он заседлал лошадь и ускорился.

Вернулся Чезаре через два дня. Сказал, что провел это время за городом, размышляя о своем будущем и ее. Сказал, что простил ее, эти слова только разозлили Лукрецию.

– Что же ты мне простил? Я только выполняла свой долг, как и ты. Ты вечно жалуешься на то, что стал кардиналом. А вот я бы предпочла быть кардиналом, а не женщиной!

– Мы оба должны выполнять желание Святейшего Папы, но я хочу быть солдатом, а не кардиналом! – отрезал Чезаре. – Так что ни один из нас не имеет того, чего хочет!

Чезаре понимал, что на кону самой важной битвы, в которой ему предстояло участвовать, стояла свобода воли. А любовь могла лишить человека этой свободы. Чезаре любил отца. Однако он достаточно долго изучал методы Александра, знал, на что тот способен, понимал, что он сам никогда не пойдет на такое предательство. Чезаре полагал, что лишить человека его собственности, богатств, даже жизни – куда меньшее преступление, чем оставить его без свободы воли. Без нее человек становился марионеткой в чужих руках, животным, подчиняющимся шелканью кнута дрессировщика. И он поклялся себе не превращаться в такое животное.

И хотя Чезаре понимал, чего добивался отец, укладывая его в кровать с Лукрецией, он еще и любил ее. Даже убедил себя, что выбор оставался за ним. Но, похоже, попал в западню. Любовь Лукреции могла приручить самого дикого зверя, и, сама того не ведая, она стала кнутом в руках их отца.

Лукреция заплакала, Чезаре обнял ее, попытался успокоить.

– Все будет хорошо, Креция, – долго гладил белокурые локоны, прижимая сестру к себе. Наконец слезы высохли. – Не думай больше об этом гусеке Сфорца. Что бы там ни было, у тебя всегда буду я, а у меня – ты.

Глава 6

Лодовико Сфорца, по прозвищу Мавр, правил в городе-государстве Милан, официально считаясь регентом, а не герцогом. Он потребовал и получил власть у своего слабого и бесхребетного племянника.

Прозвище Мавр ему дали за смуглость кожи, но волосы и глаза у него были светлые, как у многих уроженцев Северной Италии. Высокого роста, интересный, здравомыслящий мужчина, он ставил древние мифы выше христианского учения. Чувствовал себя очень уверенно, когда и в государстве, и на его границах царили тишина и покой, но в кризисные моменты определенно терялся. Горожане уважали его, пусть в политической борьбе ему случалось и нарушать слово и проявлять дьявольскую хитрость, главным образом потому, что он обложил богатых специальным налогом и собранные деньги использовал на строительство домов и больниц для бедняков.

В Милане, где, наверное, впервые прижилась новая доктрина гуманизма, Мавр и его жена, Беатрис д'Эсте из Феррары, многое делали на благо своего города. Ремонтировались и украшались замки, красились стены обветшалых домов в яркие цвета, убирался мусор с улиц, изгоняя с них зловонный запах, и аристократы уже могли ходить по ним, не прижимая к носу пропитанных лимонным соком перчаток или половинки апельсина. Мавр высоким жалованьем переманивал в миланские университеты лучших учителей, потому что понимал важность хорошего образования.

Именно жена Мавра, прекрасная и честолюбивая Беатрис д'Эсте, много лет тому назад убедила его перехватить власть у племянника, Джана. Родив сына, Беатрис опасалась, что ее дети не смогут стать законными наследниками их герцогства.

Тринадцать лет регент Лодовико правил Миланом с полного согласия своего племянника, герцога, превратив город в культурную столицу Италии. Но потом Джан женился на молодой энергичной и решительной женщине, неаполитанке Аве, внучке внушавшего многим ужас короля Ферранте.

Как только Ава родила двух сыновей, которым, она клялась, из-за козней Мавра приходилось жить, как простым горожанам, она начала жаловаться своему мужу, герцогу. Но того вполне устраивало сложившееся положение вещей, и он не захотел что-либо менять. Аве не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к деду, королю Ферранте. Она писала письмо за письмом, ежедневно отправляла их курьерами в Неаполь. Наконец Ферранте пришел в ярость. Он, в конце концов, король, а потому никто не может позволить себе унижать его дорогую внучку. Вот он и решил навести порядок в Милане и вернуть Аве полагающееся ей по праву место на троне.

Узнав от своих шпионов о планах короля и испугавшись возможных последствий, Мавр лихорадочно искал выход. Армия Неаполя, сильная и обученная, действительно внушала страх. Милан в одиночку не мог себя защитить.

И тут, словно небеса откликнулись на его мольбу, пришло письмо от Карла, короля Франции, который готовился к вторжению в Италию, чтобы потребовать корону Неаполя. Приняв скоропалительное решение, Мавр нарушил традицию и согласился пропустить через свою территорию французскую армию, если король Карл двинет ее на Неаполь.

* * *

В Ватикане Папа Александр переосмысливал свою политическую позицию в свете новостей о грядущем французском вторжении и недалёковидности Мавра. Рано утром он вызвал

Чезаре, чтобы обсудить новую стратегию, когда Дуарте Брандао пришел в папские покои, чтобы сообщить о новой угрозе.

– Как мне стало известно, король Ферранте отправил послание своему кузену, испанскому королю Фердинанду, в котором выразил озабоченность нашим союзом с Мавром и позицией Ватикана в отношении Милана, с учетом готовящейся агрессии Франции.

Чезаре кивнул.

– Несомненно, он узнал о том, что моя сестра выдана замуж за Джованни Сфорца. И ему определенно не нравится наш союз с Миланом.

– Может, и не нравится, – согласился Александр. – А как отреагировал наш добрый король Фердинанд?

– На данный момент он отказался вмешиваться в наши дела, – ответил Дуарте.

Папа Александр рассмеялся.

– Он – честный человек. Помнит, что именно я разрешил ему жениться на его двоюродной сестре Изабелле Кастильской. И только благодаря этому разрешению Арагон и Кастилия смогли объединиться.

– Мне представляется целесообразным рассмотреть возможность отправить в Неаполь посла с предложением упрочить добрососедские отношения, – заметил Дуарте. – И заверить короля Ферранте в нашей верности Испании.

Александр кивнул.

– Мы можем также предложить Ферранте брачный союз. Почему Милан должен иметь то, чего нет у Неаполя?

– Отец, я очень сожалею, но здесь я ничем не могу тебе помочь, – подал голос Чезаре. – Все-таки я – кардинал святой римской католической церкви.

Поздним вечером Александр, оставшись один, смотрел на темное ночное небо, размышляя о путях, которые избирают люди. И пришел к холодающему кровь выводу: страх заставляет людей вступать в противоречие с собственными интересами. Превращает здравомыслящего правителя в круглого идиота, ибо как по-другому объяснить решение Мавра вступить в союз с Францией без малейшей выгоды для себя. Не мог же он не понимать, что все его подданные, женщины, дети, мужчины, окажутся в смертельной опасности, как только французская армия войдет в Милан. Папа вздохнул. В такие моменты приятно осознавать собственную непогрешимость.

* * *

Даже в самые предательские времена некоторые люди выделялись творимым ими злом. Жестокость пульсировала в их сердцах и венах, оттачивала ум и обостряла чувства. Пытаясь своих ближних, они испытывали наслаждение, которое нормальный человек получает в любви. Они прикрывались образом мстительного и грозного Бога, созданного их воображением, маскировали свою жестокость под религиозное рвение. К таким людям относился и неаполитанский король Ферранте. К несчастью для своих врагов, он обнаружил, что душевные муки страшнее физических.

Невысокого роста, массивный, со смуглым лицом, на котором выделялись черные, кустистые брови, такие широкие, что едва не скрывали глаза, Ферранте весь зарос черными волосами, которые так и перли из-под королевского наряда на шее и на руках, напоминая шерсть животного. Еще в молодости ему пришлось удалить два передних зуба. Будучи тщеславным, он приказал придворному золотых дел мастеру выковать новые зубы из золота. Улыбался он редко, но при улыбке лицо его становилось особенно страшным. По всей Италии ходили слухи, что Ферранте не носит оружия и не нуждается в телохранителях, потому что золотыми зубами может рвать в кровь тела своих противников.

Правя Неаполем, самым могущественным государством на территории Италии, Ферранте вселял во всех безудержный страх. Когда враги попадали ему в руки, он сажал их на цепь в клетки и каждый день прогуливался по тюрьме-подземелью, наслаждаясь видом своего «зоопарка». А когда измученные пытками и голодом тела расставались с душами, Ферранте бальзамировал их и возвращал обратно в клетки, чтобы напомнить тем, кто еще цеплялся за жизнь, что остановка их сердец не помешает ему и дальше получать удовольствие.

Даже абсолютная верность подданных и слуг не становилась защитой от жестокости Ферранте. Он брал от них все, что мог, а потом приказывал убить во сне, чтобы при жизни у них не было ни минуты покоя.

При этом он проявил себя блестящим политиком, не позволив Папе предъявить права на какую-либо часть территории Неаполитанского королевства. Много лет он отказывался платить дань церкви, соглашаясь только на традиционный ежегодный подарок, белого коня для папской армии.

Вот и союз с Папой король Ферранте рассматривал с позиции политика, а не жестокого воина. Но решил подстраховаться, позаботиться о помощи, которая могла ему понадобиться, и отправил королю Фердинанду еще одно письмо: «Если меня не устроят условия, предложенные Папой, и он откажется содействовать нам, мы подготовим свою армию и по пути на Милан захватим также и Рим».

* * *

Король Испании Фердинанд, зная о напряженных отношениях Рима, Милана и Неаполя, понял, что ему необходимо вмешаться. Он нуждался в помощи Папы в деле поддержания мира, который устраивал его куда больше, чем война. И он собирался известить Папу Александра о заговоре, подробности которого стали известны ему благодаря кузену Ферранте.

Фердинанд, высокий, импозантный мужчина, полагал себя христианским королем, твердо верил в Бога и признавал непогрешность Папы. Но его вера, конечно же, не шла ни в какое сравнение с фанатизмом его жены, королевы Изабеллы, стремящейся наказать всех неверующих. Фердинанда отличало здоровое здравомыслие, и он поддерживал церковную доктрину в той степени, в какой она служила на благо Арагонской империи. Он и Александр уважали друг друга, даже доверяли друг другу, насколько один смертный человек мог доверять другому.

Король Фердинанд, в простом камзоле из синего бархата, отороченного мехом, сидел напротив Папы в огромной гостиной и маленькими глотками пил вино.

– В качестве жеста доброй воли король Ферранте попросил меня проинформировать вас о недавно открывшихся обстоятельствах, которые, возможно, вам помогут, ваше святейшество. Поскольку он уверен, что церковь – союзник не только Испании, но и Неаполя.

Александр улыбнулся, но в глазах читалась настороженность.

– Небеса всегда вознаграждают верующих.

– Вскоре после конклава, – продолжил Фердинанд, – командующий армией Ферранте Вирджиньо Орсини встретился с кардиналом Чибо, чтобы оплатить покупку замков, которые Чибо унаследовал от своего отца, Папы Иннокентия.

Папа Александр заговорил лишь после долгой паузы:

– Заключить такую сделку без моего ведома? Без разрешения Святого престола? Предательство, совершенное кардиналом святой римской церкви?

По правде говоря, Александра больше удивило предательство Орсини, а не кардинала Чибо. Все-таки брат мужа Адрианы, да и Папа всегда полагал его своим другом. Даже в эти тяжелые времена встречались люди, которые вызвали доверие. К таким относился и Вирджиньо Орсини.

В тот же вечер, за ужином, король Фердинанд поделился новой информацией.

– Соглашение о продаже замков подписывалось в Остии, во дворце Джулиано делла Ровере.

Вот тут Александр все понял. За этой недостойной сделкой стоял делла Ровере! Тот, кто владел замками, неприступными крепостями, охранявшими Рим с севера, держал безопасность Рима в своих руках.

– Эту проблему необходимо разрешить, – сказал Александр.

Король Фердинанд согласно кивнул.

– Я поеду в Неаполь и поговорю с Ферранте. Посмотрим, что удастся сделать.

Перед отъездом король поцеловал перстень Папы, заверив Александра, что использует все свое влияние, чтобы урегулировать конфликт. А потом добавил:

– Есть еще одна проблема, ваше святишество. Речь идет о Новом Свете. И Португалия, и Испания заявляют свои права на новые территории. Ваше участие будет высоко оценено и королевой, и мной, поскольку правильный путь может указать только Господь, вашими, разумеется, устами.

Король Испании Фердинанд поехал в Неаполь и переговорил со своим кузеном, Ферранте. После его прибытия курьеры засновали между Римом и Неаполем. Наконец, Ферранте заверил Папу, что у Вирджиньи Орсини и в мыслях не было нанести урон Александру. Наоборот, замки покупались исключительно для того, чтобы обеспечить безопасность Рима. В случае французского вторжения они остановили бы врага на дальних подступах к городу.

В итоге высокие стороны выработали договоренность, согласно которой замки остались у Орсини, но он согласился ежегодно платить Ватикану сорок тысяч дукатов, как доказательство искренности своих намерений и верности Папе Александру.

Естественно, Папе задали и встречный вопрос: что он может предложить в обмен на поддержку королей Фердинанда и Ферранте?

Король Ферранте хотел, чтобы Чезаре Борджа женился на его шестнадцатилетней внучке Санчии.

Александр отказался, напомнив Ферранте, что Чезаре – кардинал святой церкви. И предложил младшего сына, Хофре.

Теперь отказался Ферранте. Кому нужен младший сын, если есть неженатый старший?

И хотя прежние Папы выполняли все требования Ферранте, Папа Александр твердо стоял на своем. С Чезаре он связывал иные планы.

Ферранте много слышал о хитрости Александра и его умении вести переговоры и не мог не признать, что и на этот раз Александр выбрал правильную стратегию. Он понимал, что нельзя упускать возможности заключить союз с Римом, потому что в противном случае Александр найдет других союзников и Неаполь может оказаться в невыгодном положении. И после долгих раздумий, придя к выводу, что другого не дано, Ферранте с неохотой согласился. Ему оставалось только надеяться, что двенадцатилетний Хофре сможет овладеть шестнадцатилетней Санчией и таким образом узаконить брачный контракт до того, как Александр найдет своему сыну лучшую пару.

Но через пять месяцев после достижения договоренности король Ферранте, которого боялась вся Италия, умер. И его сын Мазино, не такой умный и жестокий, как Ферранте, оказался в полной зависимости от Папы Александра: Неаполь являлся папской территорией, Папа – сюзереном и мог отдать корону как Мазино, так и кому-то еще, если б Мазино чем-то его прогневал.

Но в это время и Александр попал в сложное положение, ибо молодой король Франции Карл VIII заявил, что Неаполь принадлежит ему, и предъявил права на корону Неаполитанского королевства. Он направил Александру послов с угрозами, что лишит его власти и признает другого Папу, если тот объявит Мазино наследником Ферранте. Но Папа прекрасно

понимал, что переход Неаполя под контроль французов обернется катастрофой для Папской области.

Беда, как известно, не приходит одна. Все громче слышались крики о засилье испанцев в Риме, традиционные враги папства активизировали свою деятельность, и Александр прекрасно понимал, что все это может разрушить хрупкий мир, который держался в Италии, когда он вошел на папский престол.

Но, к счастью, он получил новости, которые помогли ему принять правильное решение.

– Ходят упорные слухи о новом вторжении французов, – сообщил Дуарте Брандао, придя в покои Папы. – Королю Карлу не терпится стать величайшим христианским монархом нашего времени. Он планирует новый Крестовый поход на Иерусалим.

Александр все понял.

– Но для этого молодой король сначала должен захватить Неаполь, чтобы выйти на границу с землями неверных. А путь к Неаполю лежит через Папскую область.

Дуарте кивнул.

– Карл также хочет реформировать папство, а этого можно добиться только одним способом, ваше святейшество.

Папа обдумал его слова.

– Значит, он хочет избавиться от меня...

Теперь уже он нуждался в помощи Мазино, сына Ферранте: армия Неаполя могла выйти к Риму и отразить любую атаку короля Карла.

Вскоре Александр начал реализовывать и другой план: чтобы укрепить свои позиции в Ватикане и Риме и удержать иностранные армии от вторжения, он решил объединить города-государства Италии и выдвинул идею Святой лиги. По его убеждению, вместе города-государства представляли бы собой куда большую силу, чем порознь.

Но для представления плана он выбрал не самый удачный момент. Венеция, как всегда, оставалась нейтральной, Милан уже перешел на сторону Франции, во Флоренции была слабая армия и пророк Савонарола, влияния которого вполне хватило для того, чтобы удержать Медичи от вступления в Лигу.

Александр, несмотря на сильное противодействие, пришел к выводу, что он должен как можно быстрее короновать Мазино... иначе папскую тиару будет носить другой человек.

* * *

Через четыре дня после того, как Мазино стал королем Неаполя, Хофре Борджа женился на его дочери, Санчии.

У алтаря часовни замка Нуово Хофре, стоя рядом с шестнадцатилетней невестой, старался выглядеть старше своих лет. Выше ее ростом, симпатичный, с густыми светлыми волосами, сероглазый, он, однако, не обладал ни умом, ни обаянием. Красавицу Санчию, естественно, раздражал выбор отца. Она отказалась надеть новые драгоценности, изготовленные специально для свадьбы, и во время церемонии демонстративно разглядывала гостей. Когда епископ спросил Хофре: «Берешь ли ты эту женщину...» – тот прервал его, не дав закончить вопроса, громким: «Да!»

Гости громко засмеялись. Санчия почувствовала себя униженной, и ее «да» епископ едва расслышал. «На что мне этот ребенок?» – с горечью думала она.

На приеме, когда Санчия увидела количество золотых монет и украшений, которыми Хофре одарил ее, лицо ее смягчилось. А когда он позволил подружкам невесты позаимствовать золотые монеты из его карманов, темноволосая Санчия нежно улыбнулась своему малолетнему мужу.

В тот же вечер в опочивальне в присутствии короля Мазино и еще двух свидетелей Хофре Борджа залез на свою жену и запрыгал на ней, как на пони. Она же лежала, как бревно. Вновь и вновь, четырежды, он залезал на нее, пока король не положил этому конец, согласившись, что брачный контракт вступил в законную силу.

* * *

Александр пригласил Чезаре и Хуана в зал Веры, где, согласно договоренности с королем Фердинандом, пообещал принять послов Испании и Португалии и выступить посредником в споре о новых землях.

Когда Чезаре и Хуан вошли в зал, Папа Александр величественно восседал на троне, в митре и богато расшитых золотом красных одеяниях.

– Я пригласил вас, чтобы вы приобщались к дипломатии, ибо, занимая высокие церковные должности, вам придется часто участвовать в важных переговорах.

Он не сказал сыновьям, что просьба Фердинанда выступить арбитром в споре между двумя странами отражала влияние Папы как на религию, так и политику этого Века Открытий. Папе же особенно остро требовалась поддержка Испании, на случай если французский король Карл все-таки решится вторгнуться на территорию Италии.

Александр поднял голову, когда в зале появились послы. Тепло поприветствовал их, добавив: «Мы думаем, что вы знаете наших сыновей, кардинала Борджа и герцога Гандии».

– Да, Ваше святейшество, знаем, – ответил испанский посол, пузатый кастильский гранд в черной, расшитой золотом тунике. Он кивнул Чезаре, потом Хуану, как и пожилой португалец.

На большом инкрустированном столе Александр расстелил карту.

– Дети мои, мы разрешили проблему, которая вызывала серьезную озабоченность двух великих стран, – послы согласно покивали, и Папа продолжил: – Оба государства посылают храбрых исследователей за пределы известного мира, в моря, которые еще не бороздили суда, построенные человеком. Оба заявляют свои права на богатства Нового мира. Наша святая церковь через Каликста Третьего⁸ объявила, что Португальское королевство имеет права на все нехристианские земли на берегу Атлантики. Таким образом Португалия считает, что ей принадлежит весь Новый Свет. Испания, со своей стороны, настаивает, что Каликст имел в виду земли на восточном берегу Великого океана, а не вновь открытый на западе Новый Свет.

Для того чтобы избежать конфликта между двумя великими народами, король Фердинанд попросил нас разрешить эти противоречия. И обе стороны, надеясь на божественное содействие, согласились принять наше решение. Это так?

Оба посла кивнули.

– Ну что ж, – продолжил Александр. – Мы всесторонне рассмотрели вопрос и много часов провели на коленях в молитве. И пришли к решению. Мы должны разделить Новый Свет вдоль вот этой линии.

Он указал на продольную линию, проведенную примерно в ста лигах западнее Азорских островов.

– Все нехристианские земли к востоку от этой линии, включая многочисленные острова, будут принадлежать Португальскому королевству. И, соответственно, жители тех земель будут говорить на португальском. Все земли к западу от этой линии будут принадлежать их королевским величествам Фердинанду и Изабелле.

Александр взглянул на послов.

⁸ Каликст III, римский Папа (1378–1458).

– Мы уже подписали буллу, Inter Caetera, в которой изложено наше решение. Пландини, мой старший секретарь, даст вам по копии. Я думаю, это справедливое решение, благодаря которому удастся спасти множество душ вместо того, чтобы пожертвовать ими.

Когда они ушли, Александр повернулся к Чезаре.

– И что ты можешь сказать о моем решении?

– Я думаю, отец, что оно составлено в пользу испанцев, потому что они получили большие территории.

На лице Александра промелькнула волчья улыбка.

– Видишь ли, сын, заняться этой проблемой нас попросил король Фердинанд, да и сердцем мы все – испанцы. Мы должны также учитывать, что на текущий момент Испания – самая могущественная страна. Король Франции намерен двинуть свои войска через Альпы, следуя советам нашего врага кардинала делла Ровере, так что нам, возможно, понадобится помощь Испании. У португальцев, с другой стороны, прекрасные моряки, но армия – так себе.

Прежде чем сыновья ушли, Александр положил руку на плечо Хуану.

– Сын мой, благодаря найденному нами удачному решению твоя свадьба с Марией Энрикес передвинута на более близкий срок. Так что готовься. Не оскорбляй нашего друга короля Фердинанда, потому что понадобилось немало усилий, чтобы наладить с ним отношения. Мы каждый день благодарим Бога за то, что наша семья способствует распространению слова Божьего на новые земли, помогает спасти все больше и больше душ.

Не прошло и недели, как караван с богатствами отправился в Испанию, в Барселону, где проживала семья Энрикес.

* * *

В Риме Папа с трудом держал на плечах бремя земного мира и небес, но он знал, как восстановить силы...

В тот вечер Александр надел спальный костюм из лучшего шелка, потому что его молодая любовница, Джулия Фарнезе, получила приглашение провести ночь в его постели. После того, как он принял ванну и слуга вымыл ему волосы душистым мылом, Папа с улыбкой думал о ее милом личике и взгляде, полном восхищения и, как он верил, искренней любви.

И хотя Александр где-то недоумевал, почему эта обаятельная, ослепительно красивая женщина с таким восторгом смотрит на мужчину, чьи лучшие годы уже остались позади, он не пытался найти ответ на эту загадку жизни, как, впрочем, и на многие другие, принимая все как есть. Разумеется, ему хватало ума, чтобы понять, что власть и богатство влекут женщин, как пламя свечи – ночных мотыльков. То есть любовница Папы могла рассчитывать на рост благосостояния своей семьи и повышение собственного статуса. Но здесь присутствовало и другое, о чем говорило ему сердце. Когда он и Джулия занимались любовью, свершалось чудо. Ее невинность, стремление учиться новому и ублажать, проявляемое любопытство поражали и еще сильнее влекли к ней.

Александр знал много прекрасных куртизанок, обладавших несравненно большим опытом, которые умели доставить удовольствие мужчине. Но то были навыки, мастерство. Джулия же в ненасытном стремлении к сексуальным удовольствиям напоминала шаловливого ребенка, и хотя он не мог сказать, что в их постели кипела страсть, Джулия дарила ему ни с чем не сравнимое наслаждение.

Наконец Джулию, в платье из пурпурного бархата, привели к нему в спальню. Золотые волосы падали на спину, шею украшала простенькая нитка жемчуга, которую он подарил ей, когда они впервые слились воедино.

Он сел на край кровати, а Джулия начала распускать шнуровку. Потом повернулась к нему спиной и попросила: «Мое дорогое святейшество, вас не затруднит поднять мне волосы?»

Александр встал к ней вплотную, полной грудью вдохнул лавандовый запах ее волос. Он держал их своими огромными руками, а она выскользнула из платья, которое упало на пол.

– Моя сладкая Джулия, я долгие часы ждал твоего прихода. Держать тебя в объятиях – такая же радость для меня, что и служить мессе... хотя, если я признаюсь в этом кому-нибудь, кроме тебя, это будет святотатство.

Джулия улыбнулась и легла рядом с ним на атласные простыни.

– Сегодня я получила письмо от Орсо. Он хочет на какое-то время вернуться в Рим.

Александр старался не выказать недовольствия, уж очень прекрасной обещала быть ночь.

– Я бы и рад пойти навстречу его желаниям, но пока ему не следует покидать Бассанелло. Возможно, вскоре он мне понадобится. Я собираюсь назначить его командиром одной из моих военных частей.

Джулия знала, что Папа ревнует, потому что все его чувства отражались во взгляде. Чтобы отвлечь Александра от дурных мыслей, она наклонилась над ним, прижалась губами к его губам, крепко поцеловала. Губы у нее были сладкие и прохладные, как у юной и неопытной девушки, да и он всегда старался обходиться с ней очень осторожно, чтобы не испугать. Когда они занимались любовью, он оставлял свое удовольствие на потом, прежде всего заботясь о ней. Не позволял себе раствориться в собственной страсти, резонно опасаясь, что тогда он может причинить ей боль и о наслаждении придется забыть.

– Ты хотел бы, чтобы я легла на живот? – спросила она. – А потом ты – на меня?

– Боюсь, тебе будет больно, – ответил он. – Я бы предпочел лечь на спину, чтобы ты уселась сверху. Тогда ты будешь контролировать свою страсть и получишь максимум удовольствия.

Он часто задумывался о детской невинности Джулии, когда ее волосы падали на него, как волосы богинь из древних мифов и легенд, этих искустельниц, которые зачаровывали путешественников и держали при себе против их воли.

Всякий раз, когда он ложился на спину и смотрел на ее лицо, глаза, закрывшиеся от удовольствия, чувствовал под руками выгнутую спину, Александр верил, что испытываемое им плотское наслаждение – дар господина. Ибо кто, как не Он, мог позволить человеку ощущать такое блаженство на грешной земле?

Утром, перед тем как Джулия покинула его спальню, он подарил ей золотой филигранный крестик, купленный им у одного из лучших ювелиров Флоренции. Она сидела на кровати, обнаженная, и позволила ему надеть крестик себе на шею. И такая она была красивая, как лицом, так и телом, что Папа Александр увидел в этом еще одно доказательство существования Бога, ибо никто на земле не мог сотворить такое совершенство.

Глава 7

Врач Папы примчался в Ватикан со срочным известием: в Риме вспышка чумы. Папа Александр, сидевший на троне в зале Веры, не на шутку встревожился. Быстро вызвал дочь в свои покои.

– Тебе пора ехать в Пезаро, искать убежища от болезни у своего мужа.

– Но, папа, – она упала на колени, обхватила его ноги, – как я могу покинуть тебя? Как я могу оставить моих братьев, мою дорогую Адриану, нашу Джулию? Как смогу жить вдали от города, который люблю.

В обычной ситуации дочери удалось бы выторговать у Александра еще немного времени, но страшная болезнь требовала ее немедленного отъезда.

– Я отправлю мадонну Адриану и милую Джулию с тобой в Пезаро, – ответил он. – И мы будем каждый день обмениваться письмами, чтобы ни один из нас не чувствовал себя одиноким, моя дорогая дочь.

Но Лукреция не хотела и слышать об отъезде. Ее обычно кроткие глаза засверкали.

– Я предпочту умереть от Черной смерти в Риме, чем жить с Джованни Сфорца в Пезаро. Он ужасный. Никогда не смотрит на меня, редко говорит, и только о себе, или заставляет делать то, чего я терпеть не могу.

Папа Александр обнял дочь, попытался утешить.

– Разве мы не говорили об этом раньше? О жертвах, которые должен принести каждый из нас ради благополучия нашей семьи и усиления власти Господа в этом мире? Наша милая Джулия говорила мне о том, что ты восторгаешься святой Катериной. Стала бы она возражать, как ты, или подчинилась бы велению Господа? Разве твой отец – не Его голос на земле?

Лукреция отступила на шаг, посмотрела на Александра. Она продолжала дуться.

– Но Катерина Сиенская – святая, я – всего лишь девочка. От девочек нельзя ждать того, что делают святые. Дочери Папы совсем не обязательно быть мученицей.

Папа Александр просиял. Редкий человек смог бы устоять перед яростными аргументами Лукреции, и его, конечно, радовало ее нежелание расстаться с ним.

Он взял ее хрупкую ручку в свои.

– Папа тоже должен чем-то жертвовать ради Господа. А поскольку в этом мире нет более любимого мною человека, чем ты...

Тут уж Лукреция игриво посмотрела на отца.

– А как же Джулия?

Александр осенил себя крестом.

– Бог мне свидетель, повторяю, тебя я люблю больше всех.

– О, папа, – Лукреция бросилась ему на шею, вдохнула аромат благовоний, идущий от его одеяний. – Ты обещаешь каждый день присылать мне письма? Обещаешь послать за мной, как только поймешь, что я больше не смогу терпеть разлуку? Иначе я растаю от отчаяния, и ты уже никогда не увидишь меня.

– Обещаю, – кивнул он. – А теперь собирай своих служанок, и я сообщу твоему мужу, что ты немедленно выезжаешь в Пезаро.

Лукреция склонилась над рукой Папы, чтобы поцеловать перстень, а подняв голову, спросила: «Мне сказать Джулии или ты сам?»

Папа улыбнулся.

– Ты можешь сказать ей, – изрек он, изображая серьезность. – А теперь иди...

* * *

В последний день пятидневного путешествия в Пезаро дождь лил как из ведра, изрядно вымочив Лукрецию, Джулию и Адриану, так же как их слуг и багаж.

Лукреция из-за этого очень расстроилась, потому что рассчитывала прибыть во всем блеске, все-таки герцогиня. Очень уж ей хотелось видеть восхищение и любовь на лицах своих подданных.

Женщины ехали на лошадях, сундуки везли на крестьянских телегах. Окружающие их красоты природы не могли не нравиться, но вот грязная разбитая дорога изрядно портила впечатление. Хотя Лукрецию сопровождали Мичелотто и несколько его вооруженных людей, так что нападения бандитов они могли не опасаться, им приходилось останавливаться каждую ночь. Постоялые дворы по пути от Рима до Пезаро встречались редко, поэтому чаще приходилось вставать лагерем в чистом поле.

За несколько часов до прибытия Лукреция попросила поставить ей шатер, чтобы она и Джулия смогли привести себя в порядок. Они провели в дороге много дней, так что ее юное личико, а особенно волосы запылились, не говоря уже о грязи на обуви и платье. Лукреция попросила служанок вымыть ей волосы, вытереть полотенцами и смазать бальзамом, чтобы придать прядям особый, золотистый оттенок. Но, сняв одно платье, чтобы надеть другое, Лукреция почувствовала головокружение. «Мне холодно», – пожаловалась она одной из служанок и оперлась на ее плечо.

На лице Адрианы читалась тревога, потому что щеки Лукреции заметно порозовели.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросила она.

Лукреция улыбнулась, глаза ее блестели ярче обычного.

– Я в полном порядке, – солгала она, но Адриана заметила мурашки на ее руках. – Как только приедем, я выпью горячего чая и мне сразу станет лучше. Поторопимся, я уверена, что нам подготовили пышную встречу, и негоже заставлять ждать моих верноподданных.

Они въехали на территорию герцогства, и еще за несколько миль до городских ворот вдоль дороги стояли мужчины, женщины, дети, прикрывшись от дождя досками или сложенной в несколько слоев материей. Все они приветствовали ее радостными криками, бросали цветы, протягивали младенцев, чтобы она прикоснулась к ним.

Когда они прибыли к воротам, у Лукреции голова шла кругом. Джованни встретил ее улыбкой, откуда-то издалека донесли его слова: «Добро пожаловать, моя герцогиня», – а мгновением позже она потеряла сознание и соскользнула с лошади.

Один из слуг поймал ее на руки и отнес во дворец. Удивляясь, сколь мало весит эта белокурая красавица, осторожно положил ее на пуховую кровать в главной спальне и пошел к остальным слугам делиться своими впечатлениями о новой жене герцога. Адриана и Джулия сутились над ней, пытались напоить супом и чаем, тогда как Джованни вышел к толпе горожан, чтобы сказать, что герцогиня поприветствует их днем позже, когда немножко отдохнет.

В ту ночь, в темной комнате незнакомого города, Лукреция лежала в постели, молилась и пыталась заснуть. Ей ужасно не доставало отца, еще больше – любимого брата Чезаре.

В день отъезда из Рима Чезаре пообещал, что навестит ее в Пезаро, а если не получится – пошлет за ней дону Мичелотто, чтобы тот привез ее на встречу с ним в «Серебряное озеро», которое находилось аккурат между Римом и Пезаро. Там они смогут побыть вдвоем. Вдоволь наговориться без посторонних. Побегать, как в детстве, по лугам, вдали от цепких глаз Папы и тех, кто по его требованию приглядывал за ними.

Мысли о Чезаре успокоили ее, и наконец, закрыв глаза и почувствовав его губы на своих, Лукреция уснула.

Наутро проснулась еще с температурой, но отказалась остаться в постели: не хотела даже на день откладывать знакомство с красотою Пезаро и горожанами, которые, в чем она не сомневалась, с нетерпением ожидали ее появления. Дождь перестал, в окно ярко светило солнце. Некоторые из горожан провели ночь на площади у замка. Через открытые окна до нее доносились их песни.

Джованни пообещал Лукреции устроить грандиозный бал в честь ее прибытия. К этому следовало подготовиться. С помощью Джулии, Адрианы и служанок она выбрала простенькое, но элегантное платье из розового атласа с лифом, обшитым прекрасным венецианским кружевом. Надела головной убор, украшенный золотым шитьем и жемчугом. Покружившись перед Джулией, спросила: «Выгляжу я как герцогиня?»

– Скорее ты похожа на принцессу, – сверкая синими глазами, ответила Джулия.

Адриана согласилась:

– Чистый ангел.

Лукреция вышла на балкон, помахала рукой собравшейся на площади толпе. Ее приветствовали криками восторга, забросали цветочными венками. Она наклонилась, подняла один с пола, надела на голову. Горожане просто взвыли от радости.

На площади появились музыканты, на улицах – жонглеры, акробаты, шуты, совсем как в Риме. Лукреция лучилась от счастья: приятно, знаете ли, быть в центре внимания. Лукрецию всегда удивляло, с чего это ее отец и братья так любят процессии, которые в Риме случались по всякому поводу. Теперь она поняла. Вглядываясь в лица мужчин, женщин, детей, собравшихся, чтобы посмотреть на нее, Лукреция уже не чувствовала себя одинокой. Должно быть, она тоже рождена для обожания?

Пезаро ей понравился, как и окрестности, с зелеными полями, оливковыми рощами. Защищая город от ветров и от врагов, в небо вздымались Апеннины. Лукреция поняла, что может обрести здесь счастье, при условии, что найдет способ терпеть своего мужа, Джованни.

* * *

Во Франции хорошо знали, что король Карл при всем его почтении к святой римской католической церкви придает большое значение расположению звезд на небесах. Поэтому не стоило удивляться, что его главным советником, которому он безгранично доверял, был Симон Павийский, ученый и астролог. Симон составил гороскоп Карла и указал, что молодому королю суждено возглавить Крестовый поход против турок. С самого детства Карл не принимал ни одного важного решения, предварительно не посоветовавшись с астрологом.

Папа Александр сидел за столом и подписывал толстую стопку булл. Подняв голову и увидев вошедшего Дуарте, он дружелюбно улыбнулся и попросил остальных покинуть комнату.

Александр встал, прошел к своему любимому креслу. А когда Дуарте наклонился, чтобы поцеловать перстень, отмахнулся.

– Мой друг, оставь эти церемонии для публики. Сейчас же мы вдвоем, и ты прекрасно знаешь, что тебе я доверяю больше всех, включая и моих детей. Такая ответственность требует определенного равенства в отношениях, даже от наместника Христа. Ибо я уважаю и ценю твою дружбу и верность.

Он указал на другое кресло, напротив своего, но Дуарте не мог усидеть на месте, пока не рассказал, с чем пришел.

Александр слушал внимательно.

– А ты сам веришь, что звезды правят миром? – наконец спросил он.

Дуарте покачал головой.

– Ваше святейшество, во что я верю, а во что – нет, не имеет ровно никакого значения.

– И все-таки.

– Я верю, что звезды оказывают влияние на жизнь человека, но управляют ею только сам человек и Господь наш.

Папа коснулся янтарного амулета, который постоянно висел у него на шее, с любовью потер его.

– Каждый из нас верит, что в жизни есть место волшебству, и Карл – не исключение, – он улыбнулся Дуарте. – Но ты пришел ко мне с каким-то планом, я это вижу по твоему лицу. Выкладывай.

Дуарте понизил голос до шепота:

– Позвольте мне съездить к этому человеку, к этому Симону Павийскому до начала вторжения, с вознаграждением за услуги, которые могут нам понадобиться. Показать, что мы высоко ценим его ученость.

– Какова сумма вознаграждения? – спросил Александр.

Дуарте на мгновение помялся, зная, что Папа очень прижимист, если речь шла не о государственных церемониях или семейных делах.

– Я предлагаю двадцать тысяч дукатов...

Глаза Александра широко раскрылись, но он постарался изгнать удивление из голоса.

– Дуарте! Этих денег нам хватит, чтобы купить для армии всех необходимых ей лошадей. Двадцать тысяч дукатов – не вознаграждение за услуги, а колоссальная взятка...

Брандао улыбнулся.

– Ваше святейшество, мы не должны мелочиться. Этот ученый пользуется абсолютным доверием короля Франции, и хотелось бы, чтобы звезды были к нам благосклонны.

Папа несколько минут просидел в глубокой задумчивости, потом кивнул.

– Дуарте, ты, как обычно, прав. Заплати *dottore* предложенное тобой вознаграждение. Астрология отрицает дарованную Богом свободу воли. Она запрещена каноническим законом. Но мы ведь ею не занимаемся. Так что наши бессмертные души вне опасности.

В ту самую ночь Дуарте, переодевшись, пересек границу Франции. Ехал несколько дней, пока не добрался до нужного ему маленького домика в лесу. Симона Павийского он обнаружил в объятиях толстой проститутки. Брандао, истинный джентльмен, вежливо попросил Симона на какое-то время оставить даму и присоединиться к нему в гостиной, поскольку он прибыл с важным сообщением.

Дуарте потребовалось лишь несколько минут, чтобы объяснить цель своего визита и вручить Симону вознаграждение.

Уверенный в успехе миссии, Дуарте вскочил на лошадь и поскакал обратно в Рим.

* * *

Ах, если бы Папа мог обладать сердцем и душой святого, а не испытывать обычные желания смертного человека! Несмотря на сложность политической интриги, которую плел Александр, он то и дело отвлекался на личные дела. Его молодой любовнице Джулии Фарнезе, которая уехала с Лукрецией в Пезаро, из-за болезни герцогини пришлось задержаться там на несколько недель дольше. Как только Лукреция окрепла и Джулия могла уехать с чистой совестью, ей захотелось навестить мужа Орсо, в замке Бассанелло, по причинам, совершенно непонятным Папе. Но сначала она попросила разрешения заехать к матери и больному брату в Каподимонте.

На просьбу Джулии Александр ответил отказом. Ее муж, Орсо, солдат, и его нельзя отвлекать от службы. Но Джулия, молодая и волевая женщина, не пожелала сразу же вернуться в Рим. Отправила второе письмо, с нижайшей просьбой простить ее за непослушание, но в Рим не приехала. Более того, увезла в Каподимонте и свекровь, Адриану.

Получив второе письмо Джулии, Александр пришел в ярость. Если он не мог жить без Джулии, как она могла жить без него? Неверная девчонка! Теперь уже от гнева Папы доставалось всем, кому приходилось иметь с ним дело. Ночами он лежал без сна, не от тревожных мыслей о нависшей над Римом угрозе вторжения, а от желания коснуться руки Джулии, вдохнуть аромат ее волос, почувствовать тепло тела. Наконец, не в силах терпеть эту пытку, он преклонял колени перед алтарем и молил Господа изгнать из его сердца демона ненасытной страсти. Когда кардинал Фарнезе попытался воззвать к его здравому смыслу, мол, у сестры нет выбора, Орсо послал за ней, а он все-таки ее муж, Папа чуть ли не пинками выгнал его вон.

Днями Александр кипел от злости. Бродил по своим покоям и перечислял грехи своей любовницы, ее мужа, брата. Грозился, что проклянет их. Чтобы за это предательство их души прямиком отправились в ад.

Но именно молодой Орсо пришел на помощь Папе. Услышав о печали Александра и опасаясь за собственное будущее, он запретил жене приезжать в Бассанелло. Более того, велел незамедлительно возвращаться в Рим, пока дороги не перекрыла французская армия. И она, конечно же, повиновалась, поскольку приказывал законный муж.

* * *

Когда король Карл повел свою мощную армию через Альпы на территорию Италии, ожесточенный, злобный кардинал делла Ровере находился рядом с ним, постоянно твердя о том, что борьба с семейством Борджа важнее любой войны с неверными.

Французские войска двигались на юг, к Неаполю, и никто не пытался остановить их, ни Милан, ни Болонья, ни Флоренция.

Папа Александр, узнав о приближении неприятеля, готовился защитить Рим и Ватикан. Он доверился главнокомандующему армией короля Ферранте, Вирджиньо Орсини, главе клана Орсини. Вирджиньо убедил Папу в своей верности, исправно платя налог за свои замки. Александр знал, что Вирджиньо может собрать под свое начало двадцать тысяч человек. С такой армией, базируясь в неприступной твердыне, замке Браччано, он бы, конечно, не пропустил французов к Риму.

Но семена предательства и жадности прорастают и в сердцах самых отважных людей, и даже Святейший Папа не мог такого предугадать.

Так что Дуарте Брандао ворвался в покои Папы с пренеприятным известием: «Мне только что сообщили, ваше святейшество, что наш бывший друг Вирджиньо Орсини перешел на сторону французов».

– Он, должно быть, сошел с ума... – изумился Папа Александр.

Дуарте, о чьей выдержке ходили легенды, на этот раз выглядел ужасно расстроенным.

– Что с тобой, друг мой? – спросил Папа. – Нам придется всего лишь изменить стратегию. Вместо того, чтобы бороться с королем Карлом, мы должны всего лишь его перехитрить.

Дуарте склонил голову, понизил голос.

– Есть и более печальная новость. Французы захватили Джулию Фарнезе и мадонну Адриану, когда те возвращались из Каподимонте. Их держат в штабе кавалерии.

Папа Александр побледнел от ярости. Долго не мог произнести ни слова, мозг парализовали тревога и страх. Наконец заговорил:

– Дуарте, падение Рима – это трагедия, но, если с головы моей дорогой Джулии упадет хоть волос, это будет катастрофа. Договорись об их освобождении, потому что они наверняка захотят получить за них выкуп.

– Каковы ваши условия? – спросил Дуарте.

– Заплати, сколько попросят, – ответил Александр. – Потому что сейчас в руках Карла мое сердце и мои глаза.

* * *

Французов знали и как хороших солдат, и как галантных кавалеров. Захватив Джулию Фарнезе и Адриану Орсини, они первым делом освободили всех слуг. А потом старались развлекать пленниц отменной едой и забавными историями. Но как только Карл узнал о том, кто попал к нему в руки, он приказал незамедлительно вернуть женщин Папе.

– За какой выкуп? – спросил главный кавалерист.

Карл мог позволить себе щедрость.

– Три тысячи дукатов, – ответил он.

Кавалерист запротестовал:

– Папа Александр заплатит в пятьдесят раз больше.

– Но мы пришли сюда за короной Неаполя, – напомнил генералу король, – которая стоит гораздо больше.

Через три дня Джулия Фарнезе и Адриана прибыли в Рим в сопровождении четырехсот французских кавалеристов. У ворот их встречал сияющий от радости Александр.

Позже, в своих покоях, одетый, как испанский гранд, с мечом и кинжалом, в начищенных черных сапогах, привезенных из Валенсии, и черном, расшитом золотом плаще, он ждал Джулию, чтобы заняться с ней любовью. И впервые с ее отъезда ощущал полное умиротворение.

* * *

Папа Александр знал, что после чудовищного предательства Вирджиньо Орсини сопротивляться французам бесполезно. Без крепостей, охранявших подходы к Риму, никто и ничто не могло остановить Карла. И теперь ему требовалось время, чтобы разработать новую стратегию и перехитрить молодого короля, раз уж не удалось в битве нанести поражение французам.

Со свойственной Александру предусмотрительностью, только заняв папский престол, он начал готовиться к возможному вторжению иностранной армии. Потайной ход соединил его покои в Ватикане с замком Сант-Анджело. Имеющихся в замке запасов продовольствия и воды вполне хватало для того, чтобы защитники продержались в нем целую зиму.

И теперь, под присмотром Дуарте Брандао и дона Мичелотто слуги Александра и Чезаре собирали все самое ценное, золотые тиары, папские драгоценности, святые реликвии, кровати, шкафы, гобелены и переправляли в замок Сант-Анджело, тоже неприступную твердыню. Туда же отправились все родственники. Даже Ваночца оставила свой дворец, чтобы укрыться в Сант-Анджело. Тем временем кардинал Фарнезе увез свою сестру Джулию из Рима. Он понимал, что возможная стычка бывшей и нынешней любовниц могла доставить Папе больше огорчений, чем вступление короля Карла в Рим. Хотя Ваночца смирилась с тем, что Папа нашел себе молодую любовницу, и в общем-то никогда не воспринимала Джулию серьезно, та, наоборот, страшно ревновала Родриго к матери его детей.

На Рождество Папа приказал всем войскам Неаполя покинуть Рим. Победить французов и удержать город они не могли, и Папа опасался, что их присутствие побудит короля Карла на штурм Рима. В этом случае армия имела полное право разграбить захваченный город, чего, конечно, Папа допустить не мог.

– Пожалуйста, направь послание Карлу, – попросил он Дуарте. – Укажи, что его святейшество, Папа Александр, желает устроить ему радушный прием, когда он будет проходить через Рим на пути к Неаполю.

Дуарте нахмурился, глаза сузились.

– Проходить через Рим?

– Именно, – на лице Папы отразилась озабоченность. – Хотя я и не уверен, что таковы намерения доброго короля.

* * *

В декабре, когда падающий снег выкрасил все в серый цвет, Папа Александр и его сын Чезаре в печали наблюдали, как за окнами их замка марширует входящая в Рим французская армия.

Швейцарцы с десятифутовыми пиками, гасконцы с арбалетами и длинноствольными ружьями малого калибра, которые назывались аркебузами, немецкие наемники с боевыми топорами, легкая кавалерия с копьями наводнили город. Их сопровождали закованные в броню рыцари с мечами. Последними, ряд за рядом, шли французские артиллеристы, следуя за огромными бронзовыми орудиями.

Александр решил поселить короля в Венецианском дворце. На кухню он направил лучшего в Риме повара, сотни слуг ждали, чтобы обеспечить уровень роскоши, привычный французскому монарху. В ответ на гостеприимство Папы Карл под страхом смерти запретил мародерство или другие деяния, направленные во вред горожанам.

Но пока Карл восторгался пребыванием в Риме и медленно, но верно поддавался обаянию Папы, делла Ровере и другие кардиналы, плетущие заговоры против Александра, настойчиво предупреждали Карла о коварстве Борджа и стремились убедить его созвать Великий совет.

Александр послал к королю одного из своих самых верных и красноречивых кардиналов, чтобы тот защитил его от обвинений делла Ровере в симонии. И Карл, похоже, нашел аргументы посланника Папы более весомыми, чем нашептывания делла Ровере.

О Великом совете речь больше не заходила.

Вместо этого несколько дней спустя король Карл отправил Папе секретное послание. Развернув пергамент, Александр шумно выдохнул. Внимательно изучил текст и попытался понять, в каком настроении находился автор. Король обращался к Папе с просьбой. Желал получить аудиенцию.

Папа чувствовал безмерное облегчение. Все получалось как нельзя лучше. Его стратегия срабатывала. Жестокое поражение, похоже, оборачивалось почти что победой. Хотя войска короля находились на его территориях, Папа знал, что на этой встрече должен всем своим видом внушать импульсивному французскому королю главное: власть Бога выше светской. Но, разумеется, без наглости, не выставляя напоказ своего облегчения.

Папа назначил встречу в ватиканских садах. И сразу возникла новая проблема. Александр понимал, что не может прибыть раньше Карла и ждать его. С другой стороны, не мог ждать и король. Но Александр нашел изящное решение.

В сад Ватикана его принесли из замка Сант-Анджело в закрытом паланкине. Носильщики встали за большим кустом, у стены одного из каменных зданий, где ни их, ни паланкин никто не видел. Там они провели двадцать минут. А как только в конце длинной дорожки, обсаженной алыми розами, появился Карл, носильщики понесли паланкин навстречу королю. Папа Александр прибыл во всей красе, в митре, с усыпанным драгоценными камнями распятием на груди.

Карл, король Франции, командовавший едва ли не самой сильной армией в христианском мире, росточком чуть превосходил карликов, носил обувь на высоких каблуках и старался компенсировать свою невзрачность многоцветьем одежды. Габариты Папы произвели на него столь неизгладимое впечатление, что из уголка рта потекла струйка слюны.

Вот в этом благоухающем ароматом роз саду Папа Александр и провел переговоры, которые спасли Рим.

* * *

На следующий день Папа и король встретились вновь, чтобы окончательно утвердить достигнутые договоренности, на этот раз в зале Пап. Александр сознательно выбрал именно этот зал. Карл не мог не испытывать благоговения, осозная, что находится в святом месте.

Александр продиктовал преамбулу, и Карл ни в чем его не поправил: «Наш Святейший Папа остается добрым отцом короля Франции, а король Франции остается верным сыном нашего Святейшего Папы». После чего они перешли к конкретике.

Александр обязался пропустить французскую армию через Папскую область, обеспечивая войска продовольствием. Короче, Карл получал благословение церкви на вооруженный захват Неаполя. Чтобы искренность намерений Папы не вызвала сомнений, он отдавал в заложники королю своего любимого сына Чезаре. Последний получал право помазать Карла на престол Неаполитанского королевства после взятия города.

Принц Джем, заложник Папы, тоже передавался королю Карлу с условием, что Папе оставались сорок тысяч дукатов, которые ежегодно присылал турецкий султан. Карл собирался использовать Джема в Крестовом походе, чтобы внести разброд в стан неверных.

Король Карл более всего хотел, чтобы Папа официально назначил его главнокомандующим Крестовым походом. Александр соглашался, но с условием, что сначала Карл должен поклясться ему в верности и признать его истинным наместником Бога на земле.

На том и порешили, правда, Папа особо обговорил, что объявит Карла главнокомандующим лишь после взятия Неаполя.

Карл поклонился несколько раз, как того требовал этикет, поцеловал перстень Папы, прежде чем сказать: «Я клянусь в повиновении и уважении вашему святейшеству, как и все прежние короли Франции. Я признаю вас понтификом всех христиан, наследником апостолов Петра и Павла. И предлагаю Святому престолу все, что у меня есть».

Александр поднялся, обнял Карла.

– Я дарую вам три желания.

Того тоже требовал обычай. Вассал, признавший власть нового сюзерена, имел право на три желания. Чтобы избежать сюрпризов и лишней суеты, желания, естественно, обговаривали заранее.

– Я прошу подтвердить, что моя семья имеет все права на королевские привилегии, что я правлю по воле Господа. Я прошу благословить поход на Неаполь. Я прошу возвести троих названных мною человек в сан кардинала и разрешить кардиналу делла Ровере проживать во Франции.

Папа Александр согласился выполнить все желания, и от великой радости Карл подозвал к себе высокого, тонкого, как тростинка, мужчину, с длинным лицом и печальными глазами.

– Ваше святейшество, я бы хотел представить вам моего ученого и астролога, Симона Павийского. Звезды говорят ему о настоящем и будущем, и его оценка ситуации стала основным фактором, который обусловил мое решение, побудил меня отмахнуться от советов кардинала делла Ровере и заключить с вами союз.

Вот так Александр обернул совершенно безнадежную позицию в равноправное мирное соглашение.

* * *

В тот же вечер Александр вызвал Чезаре в свои покои, чтобы объяснить подробности договоренности с королем Карлом.

Чезаре изрядно разозлился, слушая отца, но склонил голову. Он понимал, что он, кардинал и сын Папы, первый кандидат в заложники. Его брат Хуан, которому вскорости предстояло стать во главе папской армии, на эту роль не годился. И злился Чезаре лишь потому, что в очередной раз стал пешкой в чужой игре. Опасность, которой подвергалась его жизнь, Чезаре нисколько не волновала.

Александр присел на прекрасный резной комод, который стоял у изножия кровати. Резьбу выполнил сам Пинтуриккьо. В комодке стояли чаши для вина, лежала ночная одежда. Там же нашлось место духам и благовониям, словом, всему необходимому на те случаи, когда Папа Александр приводил любовниц в свою спальню. Нравилось ему сидеть на комодке, а не в креслах или на стульях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.